

18+

ЭЛИНА СИНЕПАЛОВА

ПРИЗРАКИ В ЗЕРКАЛАХ ПРОШЛОГО

Элина Синепалова

Призраки в зеркалах прошлого

<https://litres.ru/74160827>

ISBN 9785007043670

Аннотация

Лиссабон хранит тайны веков и одну запретную тайну любви. Юный послушник Леон, ищущий просветления в стенах древнего монастыря, встречает Вианн: её взгляд обжигает, а улыбка манит прочь от обетов. Долг или страсть? Спасение души или жизнь, полная огня? В этом романе нет правильных ответов — только выбор, который может сжечь душу дотла или подарить ей крылья.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Две судьбы,	8
Глава 2. Восемь лет назад. Начало	14
Глава 3. Путь к новым горизонтам	27
Глава 4. Сердце чувствует то, что мы стараемся не замечать	44
Глава 5. Момент истины	68
Глава 6. На краю признания	86
Глава 7. Между надеждой и реальностью	106
Глава 8. Выбор	120
Глава 9. В плену противоречий	139
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Призраки в зеркалаx прошлого

Элина Синепалова

© Элина Синепалова, 2026

ISBN 978-5-0070-4367-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В бездонной пучине собственных чувств я растворяюсь без остатка, подобно одинокой капле дождя, поглощенной бескрайним и равнодушным океаном. Разве не в этом суть нашей человеческой драмы? Мы ищем себя, но теряемся в масштабе того, что нас окружает.

Мои эмоции — это не просто шторм, а стихия, что безжалостно рвет на части внутреннюю тишину. То они, подобно ласковому шепоту волн, обещают утешение, то сокрушительной и неуправляемой волной обрушиваются на мое сознание. Радость и печаль сплетаются в этом бурлящем океане в свой обреченный танец. Каждая капля грусти здесь обретает особый смысл, а каждая вспышка счастья оставляет лишь неизгладимый, но уже болезненный след.

Ты ворвался в мою жизнь неожиданно, подарил мне крылья, нет — ты заставил меня поверить, что они у меня есть. Я летела, опьяненная тобой и этой внезапной свободой, не ведая, как близко к солнцу я поднимаюсь. Ты открыл мне небеса, показал горизонты, о которых я и не мечтала, но вот промолчал о том, что падение с такой высоты всегда безжалостно, всегда фатально.

И теперь я лечу вниз, разбиваясь на тысячи осколков. Моё «Я» разлетается в разные стороны, точно разбитый витраж, поверженный ударом молота судьбы. Осколки надежд рас-

сыпаются по ветру, а сердце кровоточит не метафорически, а реально, как открытая рана, которую некому перевязать. Одиночество — вот что остается после такой высоты.

Впереди, меня ждёт новая дорога. Она пугает, но и манит. Она извивается, подобно змее, в туманную неизвестность, зовет к переменам и страшит их ценой. Я стою на пороге, готовая начать с чистого листа, но как переписать историю, если каждая новая страница уже пропитана эхом прежней боли и невыплаканных слез? Может ли прошлое когда-нибудь отпустить меня?

В руках остались лишь хрупкие и тонкие нити нашего общего прошлого — осколки надежды, сотканные когда-то двумя сердцами. Они мерцают в полумраке, как далёкие и недостижимые звезды в ночном небе. Моя задача, состоит в том, чтобы с терпением ювелира собрать эти осколки и соединить разорванное. Но не для того, чтобы вернуть прошлое, а чтобы заново научиться дышать.

Восемь долгих лет минуло с того крутого поворота. Восемь лет борьбы за твёрдость духа. Восемь лет, когда отголоски прошлого не просто шепчут, а кричат свои истории. Каждый шаг дается с трудом, каждая мысль отзывается болью старых ран, которые время, кажется, отказывается исцелять. Я продолжаю спотыкаться о камни судьбы, падать и разбиваться, но вопреки всем законам логики, в глубине души все еще теплится крошечный огонек надежды. Он —

мой единственный маяк в этой беспросветной тьме, моя путеводная звезда, что ведет вперед, когда сил уже нет. Это и есть наше вечное и непримиримое чувство долга перед самим собой. Обязанность жить.

Да, путь к исцелению долг и невыносимо тернист. Впереди ждут новые испытания, но я готова идти. Готова собирать по крупицам свое разбитое сердце и учиться жить заново, чтобы понять, что любовь, даже самая горькая, всегда оставляет место для покоя.

Глава 1. Две судьбы, одно предназначение

Лиссабон... Этот волшебный город, где каждый камень дышит историей, а каждая улочка хранит в себе тайны веков.

Здесь прошлое и настоящее сплетаются в удивительный узор, создавая неповторимую атмосферу, от которой захватывает дух. Величественные здания, будто древние стражи времени, гордо возвышаются над городом, храня в своих стенах воспоминания о минувших эпохах. Их фасады, украшенные изящными деталями, рассказывают истории о былом величии и романтике ушедших дней. А воздух здесь особенный — пропитанный морским бризом и ароматом жакаранды.

Семь холмов, на которых раскинулся город, напоминают драгоценный изумруд, украшающий корону природы. Разноцветные дома, подобно россыпи камней, рассыпаны по их склонам. Их яркие фасады — от нежно-розовых до солнечно-жёлтых, от небесно-голубых до терракотовых создают неповторимую палитру, которая меняется с каждым поворотом улицы. По ним, точно солнечные бабочки, скользят старинные трамваи. Их мелодичный звон разносится по переулкам, приглашая всех желающих отправиться в путешествие по самым живописным местам города. Они везут влюблён-

ных, мечтателей и путешественников, открывая перед ними все грани очарования Лиссабона.

В этом удивительном городе каждый уголок наполнен особым изяществом. Здесь древние церкви соседствуют с современными кафе, а традиционные таверны с модными бутиками. Узкие улицы района Алфама хранят секреты, а просторные площади Байши становятся свидетелями важных событий. На рассвете крыши домов окрашиваются в золотистые тона, а закатное солнце превращает город в настоящую сказку. Здесь каждый день приносит новые открытия. Будь то влюблённая пара, ищущая уединения в тенистых переулках, или одинокий путешественник, стремящийся познать тайны этого места, Лиссабон открывает свои объятия всем, кто готов погрузиться в его чарующий мир.

И кто знает, возможно, среди этих исторических сокровищ мы найдём не только новые впечатления, но и встречу с настоящей и искренней любовью, которая станет самым драгоценным сокровищем нашего путешествия.

Вианн и Леон — две уникальные личности, чьи судьбы переплетаются в удивительном танце жизни. Их сердца бьются в унисон, несмотря на то, что они живут в совершенно разных, порой противоположных мирах. Они как две гармонично вплетённые ноты в одной общей мелодии жизни, каждая из которых исполняет свою особенную партию.

Вианн — подобна лучу солнца, пробивающемуся сквозь

серые тучи обыденности. Она излучает свет и тепло, наполняя пространство вокруг себя радостью и жизненной энергией. Её аура настолько яркая, что притягивает людей, как магнит. Мир Вианн — это царство бесконечного веселья и счастья, где смех друзей звучит как самая прекрасная музыка, а тепло семейного очага создаёт атмосферу уюта и гармонии. Она живёт каждым мгновением, превращая обычные дни в праздник, а серые будни — в яркие события.

Леон же существует в совершенно ином измерении. Его жизнь напоминает уединение отшельника, посвятившего себя служению высшему началу. Он похож на монаха, избравшего путь духовного совершенства. Его мир — это пространство тишины и умиротворения, где каждое мгновение пронизано молитвой, ставшей его вторым дыханием. Глубокая и искренняя связь с Богом служит ему путеводной звездой в темноте ночи.

Путь Леона требует полной отрешённости от земных радостей и соблазнов. Его сердце стремится к высочайшему посвящению, к мантийному монашеству, которое стало его истинным призванием. Он живёт по строгим правилам, подчиняя каждый свой шаг высшему предназначению.

Несмотря на то, что Вианн и Леон идут по разным жизненным путям, существует нечто, что неразрывно связывает их сердца. Могучая любовь. Она вспыхнула в их душах ярким пламенем, согревая и сплетая незримые нити, способные преодолеть любые преграды, встающие на их пути.

Неосвязаемая сила, соединяющая их воедино, несмотря на пропасть между их мирами.

Смогут ли они рискнуть и связать свои жизни? Пройдут ли вместе через все испытания, не нарушив хрупкого равновесия, которое так тщательно оберегают в своих душах? Это не просто риск, это жертва, ведь счастье, добытое ценой отказа от призвания, может оказаться самой горькой из потерь. Услышат ли они тихий голос разума, шепчущий о возможной тоске по тому, что кажется близким, но недостижимым?

Их история любви — не просто череда красивых фраз и трогательных моментов. Это целая эпопея, в ней, как в зеркале, отражаются вечные вопросы, не теряющие своей остроты с течением времени. Что есть жизнь? Какой выбор мы должны сделать на своём пути? В чём истинный смысл существования, если любовь, как высшая данность, входит в противоречие с долгом? Как преодолеть одиночество, порой настигающее нас даже в толпе, когда мир перестаёт слышать наши безмолвные мольбы о помощи?

Эта история — источник размышлений о приоритетах в жизни человека. Что важнее: стремление к личному счастью или безграничная готовность служить чему-то большему, что может наполнить жизнь не меньшим смыслом и удовлетворением?

Здесь переплетаются судьбы, вопросы и ответы, поиски и открытия. Каждый выбор, каждое решение, как шаг в неизвестность, где любовь и долг ведут свою вечную борьбу за

право быть главным в сердце человека. И только время покажет, какой путь выберут Вианн и Леон, последуют зову своего сердца или голосу разума.

Призраки прошлого в настоящем

Мне снится сон... Глубоко в лабиринтах моего сознания, где тени прошлого нежно переплетаются с реальностью настоящего, возникает образ величественного зала. Он, как портал в иное измерение. В этом бесконечном пространстве мерцают тысячи свечей, отбрасывая причудливые тени на стены. Величественные статуи, застывшие в вечном молчании наблюдают за нами своими каменными глазами.

В этом волшебном сне, мы подобны двум призракам, забытых временем. Нас охватывает чарующий танец, который уносит прочь от реальности. Вокруг кружатся другие пары — их силуэты сливаются в единое целое, создавая завораживающее зрелище. Мы танцуем в ритме музыки, которая уносит нас в мир загадок и тайн. Этот мир настолько далёк от реальности, что кажется сном внутри сна. Здесь нет привычных красок — только деревья, окутанные мягким светом, и фонтан, играющий мелодии Шопена. Воздух наполнен сладким ароматом корицы и ванили, который кружит голову и заставляет сердце биться чаще.

Я знаю, что когда проснусь, твоя рука отпустит меня, и я начну падать. Падать в бездну, где каждый шаг будет со-

провождаться звуком разбивающихся осколков нашего прошлого.

За счастье всегда приходится платить. И эта плата — боль, те самые мучительные минуты, которые могут растянуться на месяцы и годы страданий. Но разве не в этом добровольном принятии будущей боли, ради текущего мгновения и заключается наивысшее проявление человеческой любви? Я готова заплатить эту цену, лишь бы снова оказаться в том зале, снова танцевать под ту же музыку и держать тебя за руку. И пусть этот сон — лишь иллюзия, но он дарит мне силы жить дальше, надеясь на встречу в реальности, столь же прекрасную, как в моих грёзах.

Глава 2. Восемь лет назад. Начало

Прогуливаясь по набережной, что тянется вдоль реки Тежу, я не могла отвести взгляд от этого природного чуда. Река, как бирюзовая лента, изящно обвивала город своими изгибами. Она была подобна искусному художнику, создающему пейзаж, который в своём финальном аккорде сливался с просторами океана, образуя речную дельту.

В тот момент, когда я полностью погрузилась в созерцание этой красоты, моя душа всё ещё трепетала от мучительного беспокойства и неопределённости. Предчувствие чего-то важного и неизбежного окутывало меня, словно тонкая вуаль. Эти тревожные ощущения не покидали меня, ведь я стояла на перепутье судьбы, осознавая, что каждый выбор — это отречение от тысяч других возможностей. Неопределённость — самая жестокая из пыток.

Мысли кружились в голове, точно листья на ветру, пока я размышляла о предстоящих решениях. А река всё текла и текла, неустанно напоминая о вечном движении жизни и о том, что всё в этом мире находится в постоянном изменении. Возможно, секрет гармонии именно в том, чтобы принять, что мы не можем остановить течение, а лишь должны научиться плыть. В свои двадцать два года я была подобна листку, колеблющемуся на ветру между двумя манящими, но совершенно разными путями.

Моё будущее балансировало между сияющей артистической сценой и искусством создания флористических композиций. В театральной студии — мне предложили стать ассистентом опытного наставника. Перспектива была заманчивой, но скромное вознаграждение не соответствовало моим амбициозным планам на будущее. Поиски альтернативной работы тоже не приносили успеха — везде требовался опыт, которого у меня не было. Несколько дней назад поступило новое предложение — должность помощника в монастырской трапезной, где уставшие путники могли найти не только пищу для тела, но и утешение для души. Я попросила время на раздумья, ведь в моём сердце жила мечта о чём-то более значимом. Мечта о свете софитов, о восторженных аплодисментах, о жизни, наполненной страстью.

Мои родители вложили немало сил в развитие этого святого места. Отец, руководитель строительных проектов и бывший моряк, и мама, виртуоз бухгалтерии, воспитали во мне трудолюбие и ответственность. С четырнадцати лет каждое лето я не просто помогала им — я погружалась в работу с головой. Сервировала столы в трапезной и заботливо обновляла запасы продуктов на витринах. Место было мне родным и знакомым, но переезд создавал определённые сложности. При постоянном трудоустройстве пришлось бы жить непосредственно при монастыре. Да, после смены можно было бы уехать на автобусе, но это означало дополнительный час в пути и ранний подъём.

Монастырь представлял собой целый мир, где бок о бок трудились и мужчины, и женщины. Женщины занимались кухней, канцелярией, бухгалтерией, церковной лавкой и, конечно, трапезной. Мужчины служили священниками, послушниками или работали по хозяйству. Всем предоставлялось жильё. Священнослужители занимали отдельные покои, остальные делили комнаты с братьями и сёстрами. На заднем дворе располагались восемь уютных домиков — туда переселяли, когда в основном здании не хватало места.

Я задавала себе вопрос о том, готова ли я пожертвовать своими амбициями и огнём ради стабильности и привычного уклада? Или всё же стоит рискнуть и отправиться на поиски своего истинного призвания?

В тот июльский день, когда воздух был наполнен солнцем и теплом, — я невольно стала свидетельницей сцены, казавшейся на первый взгляд совершенно заурядной. Две молодые женщины, явно хорошо знакомые друг с другом, неспешно шагали по тротуару, их голоса переплетались в воздухе, создавая атмосферу непринуждённого общения. Они о чём-то оживлённо беседовали, делясь, вероятно, важными для каждой из них новостями. Внезапно одна из них прервала поток слов, и в её голосе проскользнули нотки усталости и задумчивости. Она остановилась на мгновение, будто собираясь с мыслями, и произнесла фразу, которая, казалось, должна была раствориться в городском шуме и остаться незамеченной. «Не попробуешь — не узнаешь. Знаки да-

ются не просто так!» Именно в этот момент я почувствовала прикосновение иного, высшего смысла. Эти слова зажгли в моей душе огонёк надежды, напомнив мне о том, что иногда самые важные истины скрываются в простых, на первый взгляд, фразах, произнесённых случайными прохожими в обычный летний день. Наверное, так и выглядит вмешательство судьбы: не громом и молнией, а тихим, но настойчивым шёпотом.

В ту минуту, когда разум ещё пребывал в смятении, а сознание не успело до конца осознать происходящее, мои руки сами потянулись к телефону. Пальцы дрожали, набирая знакомый номер, а сердце, будто пойманная в силки птица, забилось чаще, наполняя грудь трепетом и предвкушением чего-то важного. «Да», — прозвучало в трубке твёрдо и решительно. Собрав всю свою волю в кулак, преодолев внутренние сомнения, я согласилась на работу в монастыре. Решение казалось неожиданным даже для меня самой, но в глубине души я чувствовала — это именно то, что мне нужно. Пусть эта работа не была воплощением моих самых смелых грёз, но она была гаванью, реальной и осязаемой.

С лёгкой улыбкой на губах я направилась к одному из самых величественных символов города — легендарной Башне Белен. В памяти оживали картины далёкого детства, когда мы с родителями совершали прогулки, а папа, с горящими от восторга глазами и трепетом в голосе, рассказывал истории о судьбе этого сооружения. Его рассказы пере-

носили меня сквозь века, раскрывая тайны пятисотлетней истории. Он описывал, как эта величественная башня, будто неприступный стражник, охраняла покой города, как служила надёжным хранилищем пороха, как превращалась в мрачную тюрьму и контролировала торговые потоки в качестве таможни. Изначально возведённая на уединённом острове посреди могучей реки Тежу, она стала свидетельницей множества исторических событий. Но судьба приготовила ей особое испытание. В роковом 1755 году страшное землетрясение потрясло землю, навсегда изменив облик местности. По велению высших сил, река сменила своё русло, начав новую главу в жизни острова и его каменной защитницы. С тех пор природа неумолимо творила своё преображение. Правый берег постепенно исчезал под натиском песка и грунта, которые неустанно приближались к острову. Этот медленный, но неотвратимый процесс привёл к тому, что сегодня Башня Белен стоит у самого берега, где её древние стены почти касаются водной глади. Каждый, кто приходит сюда, невольно погружается в атмосферу минувших эпох, а старинные легенды оживают в воображении, превращая обычную прогулку в волшебное путешествие сквозь века.

В тот момент, когда мои мысли унеслись далеко в прошлое, погружая меня в тёплые воспоминания, раздался звонок телефона.

— Вианнушка, я слышала, что ты собираешься вернуться к нам! — в трубке звучал радостный, почти восторженный

голос. Это была Мариэтта — моя подруга и коллега, с которой мы вместе трудились в монастырских стенах. Те летние месяцы, проведённые вместе, сблизили нас, превратив простое рабочее общение в настоящую дружбу. Сейчас ей исполнилось двадцать восемь лет, и за это время она прошла путь, достойный отдельной истории. Пять лет назад она приехала к нам из Молдавии, оставив позади не просто дом, а настоящую тюрьму. Мариэтта мечтала о настоящей семье и представляла себе вечера, когда дом наполняется звуками и мягким топотом маленьких ножек по паркету. Она видела, как в дверях появляется малыш — взлохмаченный, с испачканными руками, с улыбкой до ушей, — и бежит к ней, врезаясь в колени, и обнимая так крепко, будто от этого зависит весь мир. А потом — шаги за спиной. Поворот головы. И он: её муж. Не герой из романтической истории, а её человек. Тот, кто знает, как она морщится, когда устала, как сжимает пальцы, когда волнуется, как улыбается, если по-настоящему счастлива. Он подходит, обнимает, прижимая к себе так, чтобы она почувствовала, что дома, что она в безопасности. Как он слушает, не перебивая, иногда кивает, иногда сжимает её руку, иногда говорит что-то простое, но такое нужное. Она мечтала о тех мгновениях, когда не нужно притворяться сильной, когда можно быть уставшей, растрёпанной, немного смешной, но всё равно любимой. О доме, где смех и слёзы, споры и объятия, молчание и разговоры — всё это вместе, всё это семья.

Муж, казавшийся поначалу идеальным, со временем показал своё истинное лицо — лицо тирана и деспота. Она слишком поздно разглядела за маской добродетели его истинную сущность, но нашла в себе силы разорвать эти отравляющие отношения. Самое жестокое было то, что даже родная семья не поддержала её решение, предав Мариэтту во имя патриархальных устоев. Она стала изгоем, но обрела свободу. Монастырь стал для неё не просто местом работы — он превратился в настоящий оазис спасения. Здесь она нашла не только источник дохода, но и возможность заново открыть себя, научиться жить без страха и боли. С каждым прожитым днём её уверенность в себе крепла, а душа наполнялась светом. Именно здесь она научилась главному — искусству прощения. Она научилась прощать не только тех, кто причинил ей боль, но и самое главное — саму себя. И хотя иногда в глазах мелькала тень печали, когда воспоминания о прошлом настигали её, она неизменно находила в себе силы улыбнуться и двигаться дальше. Её история была примером того, как даже в самых тёмных моментах жизни можно найти свет.

— Мариэтта, здравствуй! Как же приятно слышать твой голос! Удивительно, как быстро новости распространяются в нашем мире. Расскажи, как твои дела, как складывается жизнь?

— Всё прекрасно, спасибо! Жизнь течёт своим чередом — я усердно тружусь, откладываю каждую заработанную ко-

пейку, чтобы осуществить свою заветную мечту и приобрести собственное жильё. Всё идёт по плану, и за это я бесконечно благодарна судьбе. А ты, когда планируешь вернуться к нам?

— Это замечательно! Скоро будем праздновать такое важное событие! Мне сказали, что я смогу присоединиться к вам уже через пару дней. Надеюсь, у вас ещё осталось свободное место для меня?

— У нас как раз одна кровать ждёт своего нового обитателя. Мы будем делить комнату с другими девушками, которые работают в пекарне. Я с нетерпением буду ждать твоего приезда и обещаю, что всё будет готово — свежее постельное бельё уже ждёт тебя!

— Спасибо огромное! Тогда до скорой встречи!

— До встречи! Передавай привет родителям — их здесь очень не хватает.

Телефон замолчал, а я всё стояла, прижимая трубку к груди. Что ждёт меня впереди? Почему судьба направила меня именно сюда — в стены монастыря? Может, там, где мы ищем покой, скрыто наше самое большое испытание? Или это место станет для меня не просто работой, а настоящим домом? А, быть может, это всего лишь очередной этап в моём путешествии под названием «жизнь», который неизбежно приведёт меня к новой и непредсказуемой развилке. Жизнь — это бесконечный лабиринт выборов, и даже отказавшись от одного пути, мы неминуемо вступаем на другой, чья ко-

нечная точка всегда остаётся тайной.

Я всегда была той, кто любит жизнь во всех её проявлениях. Любит не как красивую картинку, а как дикий и неукротимый поток — с бурными порогами, тихими завоями, неожиданными поворотами и слепящими солнечными бликами на воде. Мне нравились испытания и чувство, когда напрягаются мышцы воли, как сжимаются кулаки в поисках решения, как внутри разгорается упрямое: «Я смогу!» Нравилось проходить через сомнения, через «не получится», через «слишком сложно» — и в конце, запыхавшись, но сияя, произносить: «Я смогла!»

Но многие из тех, кто наблюдал со стороны, говорили одно и то же:

— Тебе просто везёт.

— У тебя нет настоящих проблем.

— Ты не знаешь, каково это — по-настоящему бороться.

И вот это ранило. Потому что за моей улыбкой стояли бессонные ночи, за уверенностью — сотни маленьких поражений, за «смогла!» — десятки «не вышло». Я не была неуязвимой. Я просто выбрала не прятаться и вставать после падений, даже когда колени дрожали. Выбрала верить в себя, даже когда никто не верил и видеть в препятствиях не приговор, а вызов.

Да, я любила жизнь. Но не потому, что она была ко мне добра. А потому, что я решила быть доброй к ней — несмотря ни на что. Потому что каждый раз, когда я говорила «я

смогла», это было не хвастовство. Это была благодарность — себе, жизни и судьбе — за возможность идти дальше. И если кто-то видел в этом лёгкость, то лишь потому, что не замечал шрамов. А они были. Просто я не носила их как знамя поражения, а превратила в знаки пройденного пути.

И я знала, что пройду весь свой путь — не свесив голову, не опустив плечи. Выстою. Потому что по-другому просто не умею. Это не бравада и не слепая уверенность. Это твёрдое знание, выстраданное и проверенное. Знание, которое рождается не из слов, а из прожитых мгновений, тех, когда земля уходила из-под ног, а впереди не было видно ни просвета, ни опоры.

Отец часто говорил мне, что во мне течёт больше крови моряка, чем в нём. Что из его любви к океану, из прибоев и штормов, из тихих гаваней выросла я. Я — как корабль, рождённый для плавания, а не для стоянок в безопасной бухте. Для того, чтобы чувствовать, как ветер рвёт паруса, как палуба дрожит под ногами, как горизонт манит и пугает одновременно.

Мой отец любил море не за покой, а за вызов. За то, что оно никогда не бывает одинаковым. За то, что в штиль можно мечтать, а в шторм — становиться сильнее. И он передал мне не страх перед бурей, а уважение к ней.

Так я и живу — как судно, идущее своим курсом. Иногда — под ясным небом, когда солнце слепит глаза, а вода искрится миллионами бриллиантов, а иногда и в густом ту-

мане, когда не видно ни берега, ни звёзд, ни маяков. Когда остаётся только слушать биение собственного сердца и верить, что курс верен.

Призраки прошлого в настоящем

После того как ты безжалостно погасил во мне огонь, мой родной город накрыло серым одеялом. Небо стало бесприсветно пасмурным, улицы потеряли свои яркие краски, а витрины магазинов больше не манили разноцветными огнями.

Всё вокруг окрасилось в унылые оттенки: мои мечты поблекли, будто старые фотографии; цели, которые раньше казались такими ясными и достижимыми, растворились в серой дымке разочарования, а желания, когда-то яркие и живые, превратились в призрачные тени прошлого.

Та искра, что жила во мне с самого детства, та, что разгоралась с каждым днём всё ярче, согревая не только меня, но и всех вокруг, теперь тлела последними угольками.

Где же та жизнерадостная девочка, которая находила радость в простых вещах? Та, что могла часами наблюдать за полётом птиц, восхищаться каплей дождя на листе, смеяться над солнечными зайчиками? Та, что щедро делилась своим внутренним огнём со всем миром, согревая сердца окружающих?

В зеркале я увидела незнакомку с потухшим взглядом и

опущенными плечами, с тенями усталости под глазами. Её губы больше не улыбались искренне, а смех звучал искусственно и натянуто. Душа, когда-то открытая и светлая, теперь была закрыта на тяжёлый замок.

Но смогу ли я отыскать свои потерянные частички без тебя? Не для тебя ли я всё это так трепетно взрастила в себе? Не ты ли был моей твёрдой землёй и опорой, на которую я опиралась?

Дни тянутся бесконечной чередой. Каждая минута — это попытка собрать осколки разбитого зеркала души, но они скользят сквозь пальцы, оставляя лишь царапины на сердце. Оно стучит в унисон с каплями дождя, стучащими по подоконнику, будто слёзы, которые я не решаюсь пролить. А мысли, как заблудившиеся птицы, ищущие путь домой в кромешной тьме.

Может быть, я сама создала этот мир, где ты был центром? Может, я слишком долго жила отражённым светом, забывая о собственном сиянии? Иногда я ловлю себя на мысли, что всё ещё жду твоего возвращения. Жду, что ты придёшь и соберёшь воедино все рассыпавшиеся кусочки моей души. Но время неумолимо идёт вперёд, и с каждым днём надежда тает.

И всё же... где-то в самой глубине моего израненного сердца теплится искра. Она маленькая и слабая, но она есть. Может быть, именно из неё когда-нибудь разгорится новый огонь — огонь независимости, силы и мудрости. Огонь, ко-

торый будет гореть не для кого-то, а для самой меня.

Глава 3. Путь к новым горизонтам

Светлая и едва заметная улыбка тронула мои губы, когда я неторопливо шагала к родному дому. Лёгкий ветерок, посланник океанских просторов, играя с прядями моих волос, приносил с собой ароматы солёного моря.

Родители, недавно вступившие в прекрасный период своей жизни — заслуженный отдых, — решили, что пришло время для новых открытий и захватывающих приключений. Их страсть к путешествиям расцвела с новой силой, и они с энтузиазмом погрузились в мир дальних странствий. Кругосветные круизы стали их истинным увлечением. Порой их отсутствие дома растягивалось на долгие месяцы, но каждый отъезд был наполнен предвкушением новых открытий. В далёких городах они не просто отдыхали — они жили полной жизнью. С неподдельным интересом изучали местные достопримечательности, погружались в культуру других народов, вели подробные дневники своих впечатлений. Когда они возвращались, их глаза светились особым светом, а рассказы о путешествиях были настолько живыми и красочными, что я сама оказывалась там, где они побывали.

Я же, несмотря на жгучее желание разделить с ними эти моменты, сознательно отказывалась от путешествий. В моём сердце жила твёрдая убеждённость, что родители заслужили право на этот отдых своим многолетним трудом, бес-

сонными ночами и годами преданной работы. Мой путь должен быть проложен собственной волей и оплачен собственным трудом. Я твёрдо решила, что мои путешествия будут результатом собственных усилий. Я хотела сама заработать на свои мечты, чтобы пройти свой путь к новым горизонтам. Это было не просто решение — это стало моим жизненным принципом, моей непреложной целью.

И вот сегодня, провожая родителей, я чувствовала особую ответственность. Я должна была проводить их так, чтобы они отправились в путь с лёгким сердцем, зная, что дома всё в порядке, что их ждут и любят. В эти минуты прощания было что-то особенное — они наполняли меня гордостью за своих родителей и одновременно давали понять, что и мой путь к мечтам и приключениям только начинается.

Переступив порог дома, я окунулась в знакомый и уютный аромат, который мгновенно наполнил душу теплом. Этот неповторимый запах выпечки возвращал меня в беззаботное детство.

Не удержавшись, я с надеждой в голосе обратилась к маме.

— Ты испекла тот самый черничный пирог?

Мама, словно прочитав мои мысли, тепло улыбнулась:

— Знаешь, в последнее время я замечаю, что ты часто погружаешься в свои мысли, выглядишь задумчивой и немного печальной. А этот наш отъезд так огорчает меня, что я не могу просто так оставить мою маленькую девочку без вни-

мания и заботы. Вот и решила порадовать тебя твоим любимым пирогом!

— Мам, не переживай так, пожалуйста, — ответила я, обнимая её. — Я нашла работу в монастыре, и это место подарит мне чувство безопасности. Теперь я спокойна за своё будущее. А твой чудесный черничный пирог — это просто восхитительное дополнение к хорошим новостям!

Она нежно погладила меня по руке.

— Вианн, милая моя, не стоит так волноваться. Каждому человеку бывает непросто найти своё призвание. Послушай, я, например, только в тридцать пять лет поняла, что моя истинная страсть — это бухгалтерия. Когда я беру в руки ручку и сажусь за стол, каждая цифра и буква словно сами ложатся на бумагу.

Она продолжила, глядя мне прямо в глаза:

— Ты можешь сменить множество мест работы, пройти через десятки профессий, прежде чем найдёшь своё. Немногим удаётся с первых лет обнаружить то, что зажигает внутри настоящий огонь и приносит истинное удовольствие. Не бойся ошибаться и искать. Если работа не твоя — уходи и продолжай поиски.

Я знала, что независимо от того, какой путь я выберу, поддержка и любовь мамы всегда будут моим надёжным ориентиром.

— Спасибо за поддержку! А где папа?

— Он в гараже, можешь позвать его к столу.

Выйдя в сад, я услышала заливистый лай — это Данто, наш уличный друг, радостно приветствовал меня. Его звонкий голос разносился по всему двору.

— Данто, солнышко моё! Иди ко мне, иди, я тебя поглажу и угощу вкусеньким, — с нежностью в голосе позвала я.

В моей памяти он навсегда останется тем самым игривым щенком, которого я впервые увидела в соседнем дворе. Рыжая шёрстка, словно осенняя листва в лучах заката, белоснежные ушки-кисточки, будто припудренные инеем, и крошечный хвостик, который забавно подёргивался при каждом движении — он был просто очарователен.

Тогда, в тот солнечный полдень, он носился между клумбами, то и дело спотыкаясь о собственные лапы, и его радостный лай разносился по всему двору. Я стояла у калитки, заворожённая этой картиной. Все соседи не могли остаться равнодушными к этому доброму созданию. Кто-то выносил миску с молоком, кто-то делился кусочком свежего хлеба, а бабушка Низра каждый вечер приносила ему тёплое одеяло, чтобы он не мёрз под звёздным небом. Данто принимал всё это с тихим достоинством — не выпрашивал, не навязывался, а просто жил рядом, даря свою любовь без условий.

Когда ушёл дедушка Хасан — человек, который когда-то подобрал его на дороге, принёс домой и сказал: «Теперь ты мой маленький друг». Данто не понимал, что произошло. Он долго сидел у ворот, прислушиваясь к каждому шороху, надеясь уловить знакомый голос. Дни сменялись ночами, но

хозяин не возвращался.

После этого всё изменилось. Люди пытались забрать его к себе — кто-то из жалости, кто-то по зову сердца. Но Данто, хоть и принимал ласку, не мог остаться надолго. Каждый вечер он возвращался на знакомую улицу и устраивался на ночлег у порога того дома, где когда-то был счастлив. К другим он не заходил внутрь, боялся нарушить священный порядок вещей. Словно верил, что если будет ждать достаточно долго, дверь откроется, и оттуда выйдет его человек.

Иногда я думаю: чему мы можем научиться у Данто?

Он не держит зла. Не обвиняет мир в несправедливости. Не пытается мстить за утрату. Он просто живёт — изо дня в день, принимая то, что есть, и находя красоту в мелочах. Верность — не цепкость, а любовь. Он хранит память о хозяине не потому, что не может отпустить, а потому, что любит. И эта любовь не сковывает его, а даёт силы идти дальше. Принятие — не капитуляция, а мудрость. Он не отрицает боль, но не позволяет ей поглотить себя. Он знает, что грусть — это тень, от которой нельзя убежать, но можно научиться жить с ней. Счастье — в настоящем. Он не мечтает о прошлом и не тревожится о будущем. Он радуется тому, что есть сейчас.

— Вианн, не стоит его подкармливать, он уже насытился! Посмотри на это пузико — скоро бегать не сможет! — с улыбкой произнёс папа, нежно целуя меня в лоб и ласково поглаживая Данто по животу. — Эй, дружок, куда столько

наел? А как же наши прогулки в лесу? Ты ведь устанешь! — поддразнил он пса.

Данто, будто поняв каждое слово, резко поднялся на лапы и громко гавкнул, оправдываясь.

— Ладно-ладно, вижу, ты в отличной форме! А ты, моя красавица, где пропадала?

Мы направились к дому, и я, обвив рукой отцовское плечо, поделилась новостями:

— Устраивалась на работу в монастырь.

— Наша семья словно магнитом тянется к этому месту. Что ж, я рад. А как будешь добираться?

— В рабочие дни останусь ночевать с Мариэттой в комнате — матушка дала благословение.

— Может, стоит подумать о цветочном магазине «Живая душа»? Тётя Розетт будет рада помощнице.

С отцом у меня всегда существовала особая связь. Моё отсутствие дома для него — настоящая катастрофа. С детства я тянулась к нему всем сердцем.

В моей памяти один день рождения остался как маленькое чудо — не из-за подарков или размаха, а из-за той тихой, но упрямой любви, с которой папа превратил обычный праздник в сказку. Мне тогда было семь. Я грезила принцессами и феями, зачитывалась сказками допоздна и каждый вечер представляла, как ко мне прилетает настоящая волшебница — с искрящейся палочкой, переливающейся мантией и добрым голосом, который шепчет: «Ты особенная».

За неделю до праздника я попросила маму пригласить фею. Она кивнула, пообещала всё устроить, но потом — срочная командировка. Я старалась не показывать, как мне больно. Сидела в комнате, перекладывала книжки с феями на полку и думала: «Ну вот, опять всё не так...» А папа... папа просто увидел. Не словами, не расспросами, а взглядом.

В то особенное утро он встал раньше меня. На кухне пахло ванилью и корицей — он пёк кексики, маленькие, как птичьи гнёзда, с мягкими шапочками сверху. «Чтобы было что украшать», — сказал он, подмигнув. На столе уже лежали разноцветные глазури, сахарные звёздочки, блестящие посыпки и крошечные бумажные короны. Я думала, праздник пройдёт тихо: мы с подружками, чай, подарки. Но когда гости пришли, папа исчез на полчаса — и вернулся в образе. Он нашёл где-то костюм феи — не идеальный, конечно. Мантия слегка перекосилась, палочка была самодельной (обычная ветка, обмотанная серебристой лентой), а крылья за спиной чуть косили вбок. Но он так серьёзно держал спину и так старательно вытягивал руку с «волшебством», что мы все замерли.

— Я пришла, чтобы исполнить твоё желание, — сказал он низким, нарочито «волшебным» голосом. — Потому что сегодня твой день, и ты — настоящая принцесса.

И тут началось!

Он накладывал заклинания, когда касался палочкой каждого гостя и объявлял их тайные таланты:

— Ты — повелительница смеха!

— Ты — хранительница секретов!

Устроил испытание для смелых, где мы с подругами прыгали через скакалку, а он приговаривал:

— Только настоящие феи могут перелететь через радугу!

Провёл мастер-класс по украшению кексов, где сам намазал глазурью нос одной из девочек, и все хохотали до слёз. В конце он превратил обычную свечу в «волшебный огонь желаний» — мы загадали желания и задули её вместе. А ещё, он заранее спрятал в саду маленькие бумажные звёзды с моими любимыми цитатами из сказок. Мы искали их, как сокровища. Больше всего я запомнила его глаза. Даже в гриме и костюме он оставался папой. В его взгляде не было игры — только любовь и желание увидеть мою улыбку. Когда гости ушли, мы сидели на крыльце, он обнял меня и спросил:

— Ну что, получилось?

Я кивнула, уткнувшись в его плечо. Больше слов не нужно было.

Этот день научил меня тому, что любовь не в совершенстве, а в желании попытаться. Праздник не в бюджете, а в том, кто рядом.

Папа может быть кем угодно: феей, драконом, королём — если это нужно тебе.

Позже тётя Розетт, его сестра, часто шутила: «Надо было тебе в мой цветочный магазин идти работать — из тебя бы вышла отличная фея-флористка!» Я улыбалась, но знала,

что моя настоящая «волшебная работа» началась тогда — в тот день, когда папа надел мантию феи и напомнил мне, что чудеса творят не палочки, а сердца.

— Пап, флористика — это не совсем то, о чём я мечтаю, как и работа в трапезной. Но на первое время сойдёт — там все знакомые, да и работа привычная. Я уже дала согласие.

— Хорошо, хорошо. Только будь осторожна и помни: Розетт всегда тебе рада.

Мы собрались за столом в кругу семьи, чтобы насладиться домашним обедом, который завершился традиционным чаепитием с черничным пирогом. Это был один из тех редких моментов, когда все заботы и хлопоты отступили на второй план, и мы могли по-настоящему пообщаться, делаясь новостями и мыслями.

Вечерняя прохлада ласково окутала меня, когда я вышла из дома. Проводив родителей, я почувствовала непреодолимую тягу к прогулке. Порт, наполненный бесконечной жизнью и пронизанный морским колоритом, представлял собой удивительное и в то же время захватывающее место. Он был метафорой всего, что ждало меня впереди: неопределённости, силы и безграничной свободы.

Здесь, среди величественных кораблей, каждый уголок дышал историей и романтикой морских путешествий. Могучие суда уверенно рассекали бескрайние просторы океана, а их белоснежные паруса, подобные крыльям небесных созда-

ний, колыхались в такт морскому ветру, создавая симфонию движения и звука. Волны, с неукротимой силой разбиваясь о надёжные каменные стены гавани. Этот природный концерт манил к себе путешественников со всех концов света, обещающая надёжную пристань и долгожданный отдых.

Я медленно шла по причалу и под ногами поскрипывали деревянные доски. Где-то вдалеке раздавались команды капитанов, скрип такелажа и перекличка портовых рабочих.

Внезапно моё внимание привлёк небольшой парусник, палуба его была усыпана морскими раковинами, а на борту красовалась изящная надпись «Посейдон». Старый моряк, полирующий медную фурнитуру, приветливо улыбнулся мне. Не удержавшись, я подошла к нему.

— Добрый вечер, — произнесла я, чувствуя, как сердце наполняется предвкушением интересного разговора.

— Добрый-добрый, — ответил он, откладывая тряпку. — Ищете приключений или просто любуетесь?

Его голос был глубоким и бархатным, мы разговорились, и я узнала множество удивительных историй о дальних странах, загадочных островах и невероятных встречах, которые происходили с ним во время долгих плаваний. Моряк достал старую карту, испещрённую пометками и рисунками, и показал мне маршруты своих странствий.

— Каждая линия на этой карте — это история, — сказал он, бережно разглаживая пожелтевший пергамент. — Каждая гавань хранит свои тайны. В тот день, когда я впервые

увидел остров сокровищ, мне было всего двадцать лет, молодой, неопытный юнга, я и представить не мог, какие испытания ждут меня впереди. Моя юность была неразрывно связана с «Морской девой», — кораблём, который крестил меня морской водой и стал моим первым домом в безбрежности. А моё нынешнее небольшое судно, которое вы видите, я назвал «Посейдон» — в честь великого царя морей, чья милость не раз спасала мой утлый челн от забвения. Мы шли из блистательного Лиссабона, города, пахнувшего пряностями и дальними мечтами, к таинственной Индии, когда Нептун обрушил на нас свой гнев. Три дня и три ночи буря нещадно трепала наше судно. Казалось, что сама стихия решила испытать нас на прочность. И когда, наконец, небо прояснилось, перед нами возник таинственный остров. Его вершины были укрыты густыми джунглями, а у подножия раскинулись белоснежные пляжи. Капитан принял решение встать на якорь. Мы обнаружили там удивительное племя, живущее в гармонии с природой. Они научили нас древним ремёслам, поделились секретами выживания и рассказали легенды о затонувших кораблях, хранящих несметные богатства.

Моё сердце трепетало от восторга, пока я внимала этим увлекательным рассказам. Ведь мой отец тоже посвятил свою жизнь морскому делу, и с самого раннего детства я была очарована историями о дальних странствиях. Каждый его рассказ о морских приключениях, о бескрайних просторах океана и загадочных портах превращался для меня в насто-

ящее волшебство. Я могла часами слушать о том, как волны играют с парусами, как чайки сопровождают корабли в их пути, и как звёзды освещают путь морякам в тёмные ночи. В моей памяти навсегда остались те вечера, когда папа усаживался рядом, брал меня на руки и начинал свой неторопливый рассказ. Его голос наполнял комнату ароматами соли и приключений, а глаза загорались особым блеском, когда он описывал свои удивительные встречи и открытия.

Теперь, слушая истории этого старого моряка, я возвращалась в те волшебные моменты детства.

— Однажды, во время очередного плавания, мы действительно нашли обломки галеона. — продолжил он. — Под водой, среди водорослей и кораллов, блеснули золотые монеты. Но главное сокровище того дня — это дружба, которую я обрёл с местным ныряльщиком Саломаном. Вместе мы исследовали подводный мир, полный чудес: от затонувших кораблей до удивительных морских созданий. Помню встречу с китом — величественным существом, которое казалось, понимало нас. Он сопровождал наш корабль несколько дней, выпрыгивая из воды и создавая фонтаны брызг. Местные моряки рассказывали, что это добрый знак — сам океан благословляет наше путешествие. А потом был случай с морским туманом. Мы потеряли ориентир в бескрайних просторах Тихого океана. Три дня туман окутывал корабль и вдруг из молочной пелены появился древний драккар — корабль викингов. Его команда состояла из призраков, которые ука-

зали нам путь к спасительной гавани. С тех пор я понял, что океан хранит множество тайн и главное — быть готовым к приключениям и открытым сердцем встречать чудеса, которые преподносит судьба. Сейчас, полируя медную фурнитуру на своём любимом паруснике, я часто вспоминаю эти истории и жду новых встреч с теми, кому есть что рассказать и кто готов слушать истории о дальних странах и невероятных приключениях.

Мы проговорили до глубокой ночи, пока последние отблески заката не растворились в морской пучине. Когда пришло время прощаться, он подарил мне маленькую морскую раковину.

— Приложи её к уху, — сказал он с тёплой улыбкой. — Ты услышишь шёпот океана и, возможно, поймёшь, что он хочет тебе сказать.

Возвращаясь домой, я бережно держала раковину в руке. Её гладкая поверхность казалась тёплой, будто хранила в себе тепло ладоней старого моряка.

«А может быть, стоит связать свою жизнь с океаном?»

Этот вопрос всплывал в сознании, как пузырьки воздуха в глубине — неожиданно и настойчиво, будто сам океан шептал мне сквозь шум повседневности.

Как тяжело, когда не знаешь, кем хочешь быть. Когда все вокруг будто уже определились, вот кто-то уверенно шагает по карьерной лестнице, кто-то строит семью, кто-то меняет мир в своей узкой, но ясной нише. А ты стоишь на пе-

рекрёстке, и все дороги кажутся одновременно манящими и пугающими. В такие минуты я невольно сравнивала себя с листком, оторвавшимся от ветви. Куда его несёт? В какую гавань? Или он обречён вечно скитаться по волнам, не зная пристанища?

Я всегда думала, что этот вопрос не коснётся меня. Ведь я уже иду к самому важному — к тому, чтобы быть человеком. Не успешным, не выдающимся, а просто — настоящим.

Я мечтала быть открытой — не прятаться за маской «всё хорошо», не бояться показывать уязвимость и уметь сострадать, не отворачиваясь от чужой боли, даже если она неудобна, любить искренне, без расчёта, без страха быть раненной, без ожидания награды. Мне казалось, что этого достаточно. Что если я буду такой, то остальное приложится. Но жизнь мягко показывала, что этого мало. Не в том смысле, что эти качества не важны. Напротив — они суть души, её дыхание и свет. Но даже самый яркий свет не может существовать без опоры. Он нуждается в сосуде, в форме, в деле, которое даст ему возможность проявиться.

Меня часто называют странной.

— Ты живёшь в своём мире, — говорят мне с лёгкой усмешкой. — В мире, где достаточно быть просто добрым и помогающим. Где не нужно принимать взрослые решения.

Я слушаю и молчу. Потому что объяснить сложно. Ведь правда не в том, что я избегаю реальности, а в том, как я её вижу. Да, я выбираю доброту. Но это не путь к лёгкости.

О нет. Это путь, на котором каждый шаг требует силы — той самой, о которой многие даже не подозревают. Доброта сталкивается с цинизмом, который принимает её за наивность; встречает тех, кто использует её как лазейку для собственной выгоды; терпит непонимание, когда её принимают за слабость; переживает боль, когда помощь воспринимают как должное. Я не раз чувствовала этот холодный укол, когда отдавала часть себя, а в ответ получала лишь равнодушное «ну, ты же сама так захотела».

А что такое «взрослое» решение? Кто определил, что одно решение — «взрослое», а другое — «наивное»? Кто установил эти границы? Мне кажется, это просто удобная ловушка. Ловушка, в которую мы сами себя загоняем, боясь быть «недостаточно серьёзными», «недостаточно жёсткими», «недостаточно прагматичными». Но разве решение перестаёт быть ценным, если оно продиктовано сердцем? Разве выбор в пользу сострадания — менее значим, чем выбор в пользу расчёта? Или желание помочь — это признак инфантилизма, а не мужества?

Нет.

Решение — это всегда выбор человека.

И если меня называют странной — пусть. Потому что я знаю, что быть собой — это самое «взрослое» решение, которое я могу принять. А всё остальное, просто шум тех, кто боится сделать такой же выбор.

Призраки прошлого в настоящем

В комнате царит гнетущая тишина, разбавленная лишь крошечной тьмой. Холод пронизывает до костей, заставляя отчаянно искать хотя бы крупицу твоего тепла. Я кричу в пустоту, из последних сил надеясь, что ты услышишь мой зов, что придёшь и спасёшь меня из этого ледяного плена.

Помню тот прощальный миг, когда я прижималась к тебе в объятии, не подозревая, что это в последний раз. Если бы я только знала, что больше никогда не смогу прикоснуться к тебе, я бы вложила в тот жест всю свою сущность — каждую частичку сердца, каждую клеточку души, каждую искру любви. Я бы хотела впитать тебя целиком и насытиться тобой до краёв.

Моя боль пронзила меня насквозь, но оказалось ещё мучительнее осознавать, что ты тоже ранен этим чувством. Мы связаны этой болью, как невидимой нитью, и нет сил разорвать эти узы, как бы я ни старалась убежать от них. Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но холод проникает всё глубже, замораживая не только тело, но и душу.

Внезапно тишину разрезает резкий звук — словно что-то падает. Я замираю, прислушиваясь. Может быть, это ты? Но нет, это лишь эхо моих собственных надежд, разбивающихся о реальность.

Я достаю старую фотографию, на которой мы счастливы. Твои глаза светятся любовью, а моя улыбка искренняя и без-

заботная. Как же мы были наивны, думая, что наша любовь способна преодолеть любые преграды.

Слёзы капают на снимок, размывая твоё лицо. Я прижимаю его к груди, пытаюсь вернуть те мгновения счастья. Но время не повернуть вспять, и раны не залечить простым желанием. В этой темноте я чувствую, как что-то внутри меня умирает. Не просто надежда, а часть меня, связанная с тобой навеки. Некоторые раны не заживают, некоторые потери невозможно восполнить, а некоторые прощания становятся вечными.

Я закрываю глаза и отпускаю слёзы — пусть текут, омывая душу от горечи.

Глава 4. Сердце чувствует то, что мы стараемся не замечать

Рассвет, словно незримый художник, неторопливо вступал в свои права, окутывая мир нежным сиянием первых золотых лучей. Они, подобно благословию, проскальзывали сквозь полупрозрачные занавески.

Я методично укладывала вещи в дорожную сумку, бережно перебирая каждую мелочь. Особое место заняла моя верная спутница — любимая подушка. В неё, сшитую мамой в первые дни моей жизни, были вплетены особые деревянные палочки, наполненные силой древних трав. Мама трудилась над ней ночами, когда я спала в своей колыбели. Я знаю это по её рассказам — по тому, как свет лампы дрожал на стенах, а её пальцы, ловкие и тёплые, вплетали в ткань не только травы, но и молитвы, и надежды, и тихие колыбельные, что звучали в её сердце.

Каждый прутик был особым: берёзовый — для чистоты духа и ясности снов; дубовый — для силы и устойчивости; ивовый — для гибкости и принятия перемен; рябиновый — для защиты от тёмных сил. А между ними — травы: мята, чтобы успокоить разум; лаванда, чтобы смягчить тревоги; зверобой, чтобы отогнать страхи; ромашка, чтобы сны были светлыми.

По старинному поверью, этот рукотворный оберег не только помогал погрузиться в глубокий и восстанавливающий сон, но и служил надёжным щитом от тревожных сновидений и ночных кошмаров. Он был как невидимая стена, за которой можно было укрыться, как тихая рука, глядящая по волосам во тьме. Я помню, как в детстве прижимала подушку к лицу и вдыхала её аромат — сложный, многослойный, где смешивались запах сухой травы, дерева и чего-то неуловимого, родного. Это был запах дома. Запах маминой любви, превращённой в материю.

Решение воспользоваться услугами такси оказалось мудрым выбором — с тяжёлыми сумками и пакетами путешествие на общественном транспорте превратилось бы в настоящее испытание. Автомобиль плавно скользил по улицам, унося меня всё ближе к пункту назначения, и вскоре впереди показали знакомые очертания монастырских стен.

Древние ворота приветствовали меня своим неизменным спокойствием. Здесь время, казалось, не просто остановилось — оно замерло в вечной молитве, сохраняя ту же атмосферу умиротворения и гармонии, что и прежде. Знакомые лица насельниц, как старые друзья, встретили меня с искренней теплотой и радушием. Матушка Фатиния появилась на пороге и провела меня к месту моего пребывания, где уже ждала Мариэтта — её приветственный взгляд и тёплая улыбка стали прекрасным завершением этого пути.

— Вианн, как же мы ждали твоего появления! Пока до

начала нашей смены остаётся целый час, может, посидим с чашкой кофе? — с этими словами она заключила меня в тёплые объятия и, ловко подхватив часть моих вещей, направилась к двери.

— Безусловно, кофейная пауза — именно то, что нужно! — с энтузиазмом откликнулась я. — А разбор вещей вполне можно отложить на вечер, чтобы не тратить время на эту рутину сейчас!

Мы спустились по лестнице с второго этажа в просторный зал первого уровня, где раскинулась трапезная. Просторное помещение было ковчегом покоя. Массивные деревянные столы и скамьи, отполированные годами использования до блеска, говорили о благочестии и смирении. Иконы, украшавшие стены, мягко светились в лучах приглушённого света, будто души ушедших, наблюдающие за нами. В воздухе витал характерный аромат ладана, смешиваясь с запахом свежеспеченного хлеба и травяных отваров, создавая букет, в котором земное и небесное сплетались в единую гармонию. Высокие сводчатые потолки, украшенные искусной росписью, стремились ввысь, к небесам, а большие окна с витражными стёклами пропускали внутрь мягкий свет.

Мариэтта, не теряя ни секунды, устремилась к кофейному аппарату.

— Ну что, дорогая, поделись новостями! Как твои дела? Что новенького произошло в твоей жизни? — с этими словами она жестом пригласила меня присесть за столик.

— Знаешь, всё просто замечательно! — с воодушевлением начала я. — Недавно я рассталась с Адрианном... Ну, ты помнишь того молодого человека, с которым мы были вместе два года? — уточнила я, желая убедиться, что она не забыла его.

— Конечно, помню! И что же случилось?

— Понимаешь, я внезапно обнаружила, что его сердце — не живой орган, а герметично закрытый сейф, — произнесла я, и в голосе прозвучали нотки горького прозрения, словно я разламывала пальцами хрупкий лёд собственных иллюзий.

Слова повисли в воздухе, как тяжёлые капли предгрозового неба. Я почти видела этот сейф — холодный, стальной, с цифровым замком, где код давно забыт. Внутри — ни биения, ни тепла, лишь аккуратно сложенные «разумные» решения и выверенные формулы поведения.

— Его эмоциональный горизонт был ограничен двумя унылыми оттенками: «нормально» и «так себе», — продолжила я, чувствуя, как в груди разгорается тот самый огонь, который он называл «инфантильностью». — Он не мог постичь ни восторга, ни глубокой печали. Для него восторг — это перегрев системы, печаль — сбой программы.

Я вспомнила, как однажды принесла домой букет полевых цветов — неидеальных, с неровными лепестками, пахнущих ветром и землёй. Он посмотрел на них с недоумением:

— Зачем? Они же завянут через три дня.

В тот момент я и поняла, что он не видит красоты в мимо-

летном. Не чувствует магии в том, что не поддаётся расчёту.

— Он требовал, чтобы я «повзрослела до серости», — голос зазвучал твёрже. — Чтобы моя душа стала такой же пресной, как его будни. Чтобы я спрятала свой внутренний огонь за вежливыми фразами и предсказуемыми реакциями. Он хотел, чтобы я предала свою звёздную пыль — ту самую, что искрилась в моих глазах, когда я видела рассвет над морем или слушала джаз в полутёмном баре. Хотел, чтобы я погасила свой свет — яркий, неровный, но живой — лишь бы он не выглядел таким тусклым на моём фоне.

Я вздохнула, вспоминая все те моменты, когда пыталась достучаться до его сердца. Как стучалась в закрытую дверь, надеясь, что за ней — человек. Но там была лишь стена.

— Но знаешь, что самое важное? — я подняла глаза на Мариэтту, и в них заплясали огоньки вновь обретённой свободы, словно в глубине моей души зажглись тысячи маленьких солнц.

Эти огоньки росли, разгораясь всё ярче, превращаясь в пламя, которое больше нельзя было сдержать. Оно танцевало, ликуя, потому что наконец-то получило право на жизнь.

— В какой-то момент я вдруг осознала: довольно! Хватит пытаться втиснуть себя в убогие и серые рамки чужих ожиданий! Хватит быть тише, меньше, удобнее! И тогда я приняла единственно верное решение — просто ушла.

Ушла так, как подобает уходить: громко, как финальный аккорд симфонии, и неоспоримо, как приговор. Моё проща-

ние было актом самовозрождения — ритуальным сожжением старых цепей, освобождением от оков, которые я сама на себя надела.

Помню, что надела алое платье, цвета страсти и непокорности. Волосы мои вспыхнули рыжим, с пылающими красными прядями, будто в них зажглись искры всех моих невысказанных желаний. Взяла винтажную сумочку — маленькую, но вместительную, как моя новая жизнь, в которую я собиралась положить только то, что действительно имело значение. А завершением моего манифеста стали розовые очки — не просто аксессуар, а символ того, что я буду смотреть на мир сквозь призму своей мечты, а не его унылой реальности.

Я не смогла сдержать лёгкой усмешки, вспоминая его лицо в тот момент. Мариэтта понимающе кивнула, а в её глазах промелькнуло сочувствие, смешанное с одобрением моего решения. Она налила дымящийся кофе в чашки, и аромат свежемолотых зёрен наполнил пространство.

— Знаешь, с таким человеком тебе действительно должно быть невыносимо скучно. Ведь ты такая искрящаяся и энергичная натура! Твоя душа словно фейерверк — каждый миг рождает новые цвета, каждый вздох — как вспышка звёзд. А он... как серый камень на берегу бурного потока. Неподвижный, равнодушный, будто сам забыл, что значит жить.

Она задумчиво помешала кофе. Ложечка тихо звякнула о край чашки, и этот звук, казалось, отсчитал ещё один миг ушедшей эпохи — эпохи моих иллюзий.

— Послушай, — продолжила она, наклоняясь чуть ближе. — Ты ещё не встретила того, кто не просто увидит твой яркий свет, но и с нежностью примет твою тень. Того, кто разглядит в тебе не просто женщину, а целую вселенную, в которой он захочет жить. Ты заслуживаешь человека, — её голос зазвучал ещё тише, но от этого стал лишь мощнее, — который не будет требовать, чтобы ты стала тише. Не станет уговаривать тебя приглушить сияние, не станет стыдить за пылкий смех или внезапные слёзы. Ты заслуживаешь того, кто научится танцевать в ритме твоего сердца — даже если этот ритм сбивчивый, даже если он меняется каждую минуту.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Человека, который не станет тянуть тебя назад, — продолжала Мариэтта, — а будет держать твою руку в моменты взлётов и падений. Потому что он поймёт: твоя сила — не в безупречности, а в том, что ты умеешь падать и вставать, плакать и смеяться, ошибаться и прощать. Он поймёт, что это и есть самое настоящее приключение — совместное путешествие вашей души.

Она отстранилась, но её взгляд не отпускал меня.

— И когда ты встретишь его, ты поймёшь, что все эти годы были лишь подготовкой. Что каждый шаг, каждая боль, каждая ошибка — всё вело тебя к этому моменту. К человеку, который скажет: «Я вижу тебя и хочу быть с тобой — со всей тобой».

Её слова бальзамом пролились на мою душу, наполняя сердце надеждой и предвкушением будущих встреч. В этот момент я почувствовала, как внутри просыпается вера в то, что действительно существует тот самый человек, способный оценить всю глубину и красоту моей натуры.

— А как же твои дела? Расскажи, как ты живёшь?

— Я заново родилась, — начала Мари, и в её голосе звучала неподдельная радость. — Чувствую себя благословлённой, словно сама судьба наконец-то улыбнулась мне после долгих лет тьмы и отчаяния. Теперь я погружаюсь в молитвы и нахожу истинное счастье в каждом новом дне, в каждом моменте, который дарит мне жизнь вдали от того кошмара, что был моим прошлым.

Лицо её озарилось улыбкой — тёплой, живой, настоящей. Но если присмотреться и заглянуть глубже, за этот свет... там, в глубине глаз, всё ещё таился след пережитых страданий. Как тень, которая не спешит уходить, даже когда солнце уже взошло.

— Представляешь, недавно произошло то, чего я так боялась, — её голос дрогнул, но тут же выровнялся. — Неожиданно раздался звонок от бывшего мужа.

Она замолчала, будто заново проживая тот миг. Я видела, как её пальцы вдруг сжались в кулаки — так, что побелели костяшки. Как будто она пыталась удержать внутри бурю, готовую вырваться наружу.

— Этот человек, — продолжила она тише, но с ледяной

твёрдостью, — присвоивший мою душу, как феодал, теперь решил напомнить о себе. Его звонок был подобен холодно-му прикосновению призрака из прошлого. Он каким-то образом вытряс мой номер у родителей, которые до сих пор не могут принять мой побег от его тирании. Этот призрак, чьё имя я не смею произнести, годами пожирал саму мою сущность, низводя личность до послушной тени, — произнесла Мариэтта, и в её голосе зазвучала сталь — та самая, из которой куётся свобода. — Теперь он вознамерился вернуть свою «собственность», чтобы свершить над моей обрётённой свободой акт мстительной казни.

Её глаза вспыхнули — не яростью, нет. В них горело нечто большее: осознание собственной силы.

— Его иллюзия права на мою жизнь — это эхо того ада, откуда я вырвалась, заплатив ценой всего. Поэтому я не просто думаю о смене номера телефона, а возвожу стены отчуждения от тех, кто до сих пор не может понять, что я не бежала из дома. Я бежала из тюрьмы для души.

В её голосе больше не было дрожи. Только твёрдость и правда — горькая, но освобождающая.

— Они не понимают, что я не могла больше вдыхать воздух, отравленный насилием. В этой клетке без солнца, где каждый вздох был борьбой за право не исчезнуть. Где любовь превратилась в цепь, а забота — в контроль. Где моё «я» медленно растворялось в его «ты должна»...

Она замолчала.

— Но теперь я знаю, что больше не тень. Я — свет. Я — голос. Я — женщина, которая выбрала жизнь. И никто, никто не сможет отнять у меня это право.

— Безусловно, смена номера — это самое мудрое решение! — воскликнула я, сжимая её руки в своих ладонях. Пальцы дрожали от волнения — не за себя, а за неё, за эту хрупкую, но нестигаемую женщину. — Ты — настоящая героиня! Ты сделала невероятно смелый шаг. И пусть твои родные не поддержали тебя в тот момент, ты всё равно нашла в себе силы выбрать себя, свою свободу и будущее!

Она слабо улыбнулась:

— В жизни каждого из нас наступает тот переломный момент, когда приходится делать судьбоносный выбор. Это точка невозврата, где Всевышний дарует нам право решать: мириться ли с таким положением вещей или же бороться за лучшее будущее. Выбирать между собственным счастьем и существованием с человеком, способным причинять душевную и телесную боль. Знаешь, неоценимую поддержку и духовное руководство мне оказал отец Иоан. Помнишь его? Его мудрые слова и искренняя забота помогли мне найти в себе силы двигаться дальше. Он не давал пустых утешений, не говорил «всё пройдёт». Он просто слушал. И в этом слушании было больше исцеления, чем в тысячах фраз «держись».

— Да, конечно, помню, — ответила я, плавно поднимаясь из-за стола. Я аккуратно собрала наши стаканчики, сложила

их друг в друга и отправила в мусорное ведро.

Я знала историю Мариэтты от и до — каждую горькую деталь, каждый шрам, невидимый глазу, но навсегда врезавшийся в её душу.

Она узнала о беременности в хмурый октябрьский день, когда дождь стучал по подоконнику, как незванный гость. Мари представляла, как расскажет ему за ужином, как его глаза загорятся, как он прижмёт её к себе. Но когда она сказала, что беременна, лицо мужа словно окаменело.

— Ты уверена? — спросил он холодно. — Может, это ошибка?

Она кивнула, сжимая в руках результаты анализов. А он лишь хмыкнул, отвернулся к окну и бросил через плечо:

— Ну, посмотрим.

С тех пор всё изменилось. Его «забота» превратилась в надзор: он проверял её телефон; требовал отчётов о каждом шаге; запрещал встречаться с подругами — «чтобы не хвататься глупостей»;

Тот роковой день она запомнила в мельчайших деталях — как будто кто-то выгравировал его на её памяти острым ножом.

Мариэтта стояла у зеркала в спальне, осторожно проводя ладонью по едва заметному округлившемуся животу, и шептала:

— Всё будет хорошо.

Он вошёл без стука.

— Опять глазеешь на себя? — его голос прозвучал как удар хлыста. — Думаешь, ты теперь особенная?

Она обернулась, пытаясь улыбнуться:

— Я просто...

— Просто заткнись! — он шагнул к ней, и в его глазах было что-то такое, от чего внутри всё сжалось. — Ты думаешь, я рад? Думаешь, мне нужен этот ребёнок?

Она отступила, инстинктивно прикрывая живот руками.

— Пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — он схватил её за запястье, сжал так, что кости затрещали. — Ты испортила мою жизнь!

Мариэтта пыталась вырваться, но он толкнул её. Не сильно — но достаточно, чтобы она попятилась, споткнулась о край ковра и покатилась вниз по лестнице.

Последний миг перед падением она запомнила отчётливо: его лицо в проёме двери. Ни страха. Ни сожаления. Только холодное и отстранённое любопытство — как у учёного, наблюдающего за экспериментом.

Очнулась Мариэтта уже в больнице.

— Сожалею. У вас было кровотечение. Ребёнка не удалось спасти.

Она не плакала. Не могла. Внутри была пустота — огромная, бездонная, как пропасть. А он пришёл на следующий день, принёс цветы — красные розы, слишком яркие для этой стерильной комнаты. Поставил их на тумбочку и сказал:

— Это не моя вина. Ты сама упала.

Она посмотрела на него — и впервые увидела не мужа, а чужого человека.

Он превратил их квартиру в крепость: сменил замки; установил камеру у входной двери; забирал её телефон каждое утро; проверял чеки из магазина — будто она могла что-то скрыть. Однажды она попыталась выйти и просто прогуляться до аптеки за витаминами. Он поймал её у лифта.

— Куда собралась? — его пальцы впились в её плечо.

— Мне нужно...

— Нужно — это когда я разрешаю, — он поволок Марию обратно, как вещь. — Запомни: ты никуда не уйдёшь без меня.

В тот вечер она сидела на кухне, глядя на нож для хлеба. Просто смотрела и в голове крутилось одно: «Так будет всегда».

Из воспоминаний меня вывел голос Мариэтты:

— Ну что, готова к началу нашего трудового дня?

Я подняла глаза. Перед мной стояла женщина, прошедшая сквозь ад и не потерявшая способность улыбаться. Её энергия была как свежий ветер.

— Как никогда готова!

В этот момент я почувствовала, как внутри что-то отпускает. Не просто злость — а весь клубок обид за неё.

День промелькнул, словно миг, а к вечеру трапезная монастыря преобразилась: из тихого, почти сакрального про-

странства она превратилась в живой улей, где каждый звук, каждый взгляд, каждое слово сплетались в единую ткань бытия.

За одним столом паломники обсуждали, как прошла служба, делясь впечатлениями и эмоциями. За другим — шептались о таинственном человеке, живущем в монастыре: будто он умел читать мысли людей и исцелять их боль одними лишь словами.

— Вы слышали? — наклоняясь к соседу, шептала пожилая женщина. — Говорят, он может заглянуть в душу и понять, что творится в сердце человека, даже не произнося ни слова.

— А я слышала, — отвечала ей молодая паломница, — что он однажды исцелил больную женщину одним взглядом. Она встала на ноги и больше не чувствовала страданий.

Мне было вновь интересно погружаться в эту атмосферу и узнавать, как люди видят это место. Я с удовольствием слушала их разговоры, наблюдала за жестами, ловила каждое слово. Мне вообще нравится узнавать других людей, слушать их истории, пытаться разглядеть то, что скрыто за их улыбками, взглядами, поступками.

В подростковом возрасте со мной произошёл один странный, но памятный случай. Я тогда только-только начала подрабатывать в монастыре — обслуживала группы паломников, мыла посуду, прибиралась. В тот день я разносила чай по столикам в трапезной, когда ко мне тихонько подошла

пожилая женщина в скромном сером платье. Её лицо было неприметным, но глаза — удивительно ясные, словно видели что-то за пределами обыденности.

— Знаешь, кто я? — спросила она тихо, чуть склонив голову.

Я замерла, пытаюсь вспомнить, не встречала ли её раньше среди постоянных прихожан.

— Нет, простите... Может быть, вам помочь? — пробормотала я, чувствуя неловкость.

— И я не знаю, — улыбнулась она, и в этой улыбке не было ни тени смущения. — Но это не беда. Главное — это то, как мы чувствуем себя внутри и какие поступки делаем.

Её слова повисли между нами, и я вдруг осознала, что не понимаю их смысла. Как это — не знать, кто ты?

— Ты такая молоденькая, а уже работаешь в таком месте... Похвально, — продолжила она, оглядывая меня с тёплой.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец. Мне было неловко от её похвалы — ведь влекло меня сюда не духовное стремление, а простая нужда. Деньги.

— Я пришла сюда служить Богу, буду работать на кухне.

— Приятно познакомиться, — сказала я. — Я сейчас приглашу матушку Фатинию. Присядьте, пожалуйста.

А после я узнала, что она была состоятельной женщиной, чья жизнь до прихода в обитель казалась воплощением земного успеха: просторный дом, поездки за границу, вечера в

кругу влиятельных людей. Но однажды всё изменилось.

По слухам — а в монастыре слухи распространяются тихо, как тени по каменным плитам, — она разделила своё состояние надвое. Половину отдала детским домам, половину — монастырю. Для меня это было странно и непонятно. Даже сейчас, спустя годы, я возвращаюсь к тому образу — к женщине в сером платье, чьи глаза светились ясностью, которой не купишь ни за какие деньги.

Я пыталась понять: как можно взять и отказаться от всего? От комфорта, от привычек, от жизни, где каждый день чередой привычных удовольствий? А потом мне рассказали, что ей приснился сон и в нём прозвучал голос, который она узнала сразу, без сомнений. Всевышний сказал ей просто: «Пора раскрыть своё сердце нуждающимся».

Я слушала эту историю, и внутри росло недоумение, как будто я держала в руках вещь, смысл которой не могу разгадать.

— Но как она поняла, что это был Он? — спросила я у сестры Евдокии, которая и поведала мне про этот сон. — Ведь сны — они такие обманчивые.

— Она не искала доказательств, она просто узнала. Как узнаёт дитя голос матери в толпе. Это не логика — это сердце.

Я нахмурилась, пытаюсь уложить эти слова в голове. Для меня сон всегда был чем-то пространственным: причудливой игрой воображения, следом дневных тревог или просто

усталостью. Но для неё — для этой женщины, оставившей богатство и комфорт, — сон стал точкой отсчёта.

— И что, она просто встала и пошла? — не унималась я.
— Без планов, без подготовки?

— Именно так, — кивнула Евдокия. — Потому что когда Бог говорит, человек не торгуется. Он собирает самое необходимое и выходит за порог.

И она до сих пор находится здесь. Каждый день в шесть утра — на утренней службе. Потом — на кухне: чистит овощи, режет хлеб, моет посуду. Она не выделяется среди других послушниц — ни словами, ни жестами, ни взглядом. И каждый раз, видя её, я снова и снова задаюсь вопросом: как? Может, однажды я пойму, а может, так и проживу жизнь, глядя на неё издалека — как на явление, которое не укладывается в привычные рамки, но от этого становится лишь значимее.

Мои ноги, как отлитые из свинца, гудели от усталости — каждый шаг отдавался глухой пульсацией в икрах, каждый сустав напоминал о себе тихим, но настойчивым стоном. Но я держалась. Держалась так, как держится древний Атлант, взваливший на плечи купол небесного храма. Физическая усталость была лишь данью, которую тело платило за радость души. И эта радость, вопреки всему, расцветала внутри — тихая, но неугасимая. Я находила в себе силы улыбаться каждому прихожанину, провожать их внимательным взглядом,

ловить отблески их надежд и тревог в глазах, отвечать тихим словом, лёгким прикосновением и теплом голоса. Я создавала атмосферу гостеприимства не по обязанности, а по внутреннему позыву.

Вечер наступил незаметно, когда стрелки часов застыли на отметке 21:10, мы с Мариэттой переступили порог нашей комнаты. Комната для работников монастыря располагалась в дальнем крыле сестринского корпуса — там, где шум повседневных дел растворялся в тишине монастырских стен. Просторное, но скромное помещение дышало умиротворением. В комнате стояли четыре кровати — две у двери, две у окна. Простые, без изысков: деревянные каркасы, жёсткие матрацы, покрывала из грубоватой, но прочной ткани в неброских тонах. Каждая кровать сопровождалась небольшой тумбочкой из светлого дерева — с одним ящиком. В углу приютился небольшой шкаф — не новый, но крепкий, с потёртыми дверцами, хранящими следы времени и множества рук. Его вместительности хватало ровно на то, чтобы разместить скромную смену одежды, пару полотенец и несколько личных мелочей, не нарушая духа монастырского нестяжания.

Я вышла на балкон над самой трапезной. Путь сюда пролегал через длинный коридор, где пахло мылом и свежей краской: слева — двери душевых и санузла, справа — небольшие комнаты, переоборудованные под нужды обители: канцелярия с аккуратными стопками бумаг, бухгалтерия

с тикающими часами над дверью, склад хозяйственных принадлежностей, откуда порой доносился лёгкий скрип открываемой полки. Балкон был невелик, но в нём умещалось всё, что нужно для мгновения. Перила из потемневшего дерева, чуть шершавые под пальцами, крыша над головой, защищающая от случайных капель, и — главное — простор неба, раскрывающийся перед глазами.

У меня сложился незыблемый ритуал перед сном. Я делаю глубокий вдох, закрывала глаза и поднимала лицо к вечернему воздуху — прохладному, пахнущему травами и далёким дымом костров. В этот миг я отпускала всё: тревоги, сомнения, дневные обиды, невысказанные слова. Я представляла, как они, словно невесомые листья, срываются с ладоней и уносятся вверх и растворяются в бескрайности, становясь частью ночи. Потом я доставала книгу — всегда одну и ту же, открывала на нужной странице и начинала читать вслух. Это было стихотворение Флорбелы Эшпанки — португальской поэтессы, чьи строки несут в себе и боль, и восторг, и неукротимую жажду жизни.

И здесь, на этом балконе, под небом, я проделала то же самое: вдохнула прохладу вечера, расправила плечи и, устремив взор в глубину небесной лазури, тихо прошептала её слова — как молитву, как признание, как откровение.

— Одну весну встречает всякий сущий, чтоб петь её, желанной и цветущей, Бог дал нам голос, чтобы петь, любя! Раз пеплом стать и мне на свете этом, пусть ночь моя зардеется

рассветом, терять себя, чтоб отыскать тебя...

Последние строки повисли в воздухе, я повторила их ещё раз — уже про себя, ощущая, как каждое слово проникает вглубь и касается чего-то сокровенного, дремавшего в самой сердцевине души. Я замерла, вслушиваясь в шёпот собственных мыслей. Найти бы эту любовь...

Не тихую гавань, не уютное пристанище — а пожар. Чтобы пламя разливалось по венам, чтобы воздух вокруг накалялся от одного лишь присутствия. Чтобы от мимолетного взгляда по коже бил ток — нестерпимый, сладкий, почти болезненный. Я представляла её: как молния в сумраке, как искра, из которой разгорается всепоглощающее пламя. Чтобы сердце сбивалось с ритма, чтобы дыхание перехватывало и мир сужался до одного-единственного взгляда — и расширялся вновь, уже другим, преображённым.

— Мечты, Вианн, имеют прекрасную способность сбываться, — прошептала я едва слышно, доверяя темноте самую сокровенную мысль.

С этими словами я отправилась спать. Медленно пересекала комнату, ощущая под босыми ногами прохладу дощатого пола. Остановилась у кровати, вдохнула знакомый запах воска и сухих трав, что всегда наполнял эту комнату, и опустилась на постель. Закрыла глаза, и тут же мир сузился до ритма собственного дыхания — ровного и медленного. Оно звучало в унисон с биением сердца, с тишиной, что окутывала меня. Я не сопротивлялась и не пыталась удержать по-

следние обрывки дневных мыслей. Просто отпустила их — и без промедления отдалась во власть сна. Он пришёл легко, как пёрышко, подхваченное ветром.

В глубинах моего сна возник образ — поразительный и мистический, будто вырванный из древних преданий.

Фигура, окутанная пламенем. Но это не было пламя жизни — оно отливало густым, тревожным цветом крови и вины. Она металась из стороны в сторону, беспорядочно и отчаянно, как душа, потерявшая компас, забывшая путь домой. Я стояла позади — призрачная, немая тень её горя. Не могла двинуться, не могла заговорить. Лишь смотрела.

Она простирала ко мне измученные руки — то ли в мольбе, то ли в упрёке. В её жесте было всё: и зов о помощи, и жажда утешения, и боль, сковавшая её изнутри. Но какая-то потусторонняя сила, невидимая и безжалостная, вновь и вновь отбрасывала её прочь — то влево, то вправо, будто играя с ней.

И вдруг пространство вокруг вспыхнуло. Ослепительное сияние, не свет, а Небытие беззвучно поглотило всё. Оно не грело и не озаряло, а стирало. В одно мгновение мир растворился в этом невыносимом блеске, оставив лишь пустоту, звенящую, как натянутая струна.

А затем — падение.

Я рухнула в абсолютную тьму. Густую, плотную, словно дно бездны. Здесь не было ни звука, ни движения, ни времени. Холодная и вязкая влага обвила меня, медленно, неот-

вратимо, будто саван забвения. Я тонула, погружаясь всё глубже, и каждая фибра души рвалась наверх — к свету, к воздуху, к жизни. Но свет был далёк. Слишком далёк. Отчаяние уже готово было стать моим именем, но в этот миг я услышала голос. Холодный и отрешённый, будто лёд, разбивающийся о скалы разума:

— Думай о последствиях, Вианн... Не забывай: то, что разбилось на осколки, собрать воедино почти невозможно. Особенно если эти осколки — отражения твоей собственной души.

Слова повисли в темноте, они не ранили, но проникали, оставляя в сознании след. Я попыталась понять, кому они принадлежат, но голос растворился так же внезапно, как появился.

Только тьма осталась. И я — в её сердцевине.

Призраки прошлого в настоящем

И снова сон... В той полутёмной комнате, ставшей нашим алтарём и нашей могилой, мы танцевали последний танец нашей любви. Наши движения, словно прощальные взмахи крыльев, порхали в воздухе, но в каждом жесте сквозила неизбежность трагедии. Этот танец был последней попыткой удержать ускользающее счастье и отчаянной мольбой о невозможном. Мелодия, звучавшая в тот момент, была плачем струн по тому, чему не суждено было сбыться. Весь мир

словно растворился в дымке, превратившись в призрачное видение. В эти последние мгновения, когда мы кружились в объятиях друг друга, всё, что раньше казалось важным, потеряло смысл.

Мои страхи и сомнения, как тучи, нависавшие над головой, растворялись в воздухе, но я знала — это лишь иллюзия спокойствия. В твоих глазах я искала отражение вечной любви, но видела лишь холодный отблеск монастырских свечей и тень твоего неумолимого долга.

С каждым поворотом, пламя наших чувств становилось факелом прощания, сжигая последние мосты и наши будущие годы. Этот огонь, подобный жертвоприношению, пожирал наши души, оставляя после себя лишь горький пепел несбывшихся надежд и звенящую, как колокол, тишину одиночества.

Когда музыка затихла, я наконец поняла природу тех теней, что преследовали нас все эти дни. Они были тенями твоего будущего в монашеской рясе, твоего решения посвятить жизнь служению Богу. Ты пытался сжечь их в нашем танце, но они уже навсегда отпечатались в твоей душе.

В этом танце я потеряла себя и растворилась в твоих объятиях, как тает снег под весенним солнцем. Я была тем огнём, что согревал твоё сердце, и той тенью, что навсегда останется за монастырскими стенами. Теперь я — тень твоей памяти, призрак твоей запретной любви, обречённая нести это бремя воспоминаний в одиночестве, пока ты ищешь забвения в

служении.

Моё сердце, разбитое на тысячи осколков, словно витраж собора, продолжало биться в такт той роковой мелодии, последнему гимну утраченному счастью. Я закрываю глаза, позволяя слезам свободно течь по щекам.

Глава 5. Момент истины

Утро обрушилось на меня ослепительным светом. Я распахнула глаза, ещё окутанная пеленой сна, и на миг подумала, что проспала. Но тут же вспомнила, что Мариэтта ушла на утреннюю службу, а те, кто трудился в пекарне, поднимались ещё раньше. Руфина и Джиа начинали свой день ровно в шесть. В полумраке, пронизанном запахом дрожжей и тёплого дерева, они принимались за работу: замешивали тесто, ставили в духовку картофель и рыбные котлеты, выпекали хлеб. Всё должно было быть готово к восьми — чтобы к началу трапезы в монастыре пахло свежеиспечённым, чтобы каждый, переступив порог, ощутил это тихое, но мощное обещание: здесь вас ждут. Остальное — супы, пирожки, пряники — приносили позже, ближе к десяти.

Я лежала, прислушиваясь к звукам пробуждающегося монастыря. Где-то хлопали двери, торопливые шаги и приглушённые голоса. Всё это сливалось в единый, размеренный ритм — как пульс огромного, живого организма, где каждый выполнял свою роль и каждый вклад был важен. В этих стенах время текло иначе — не по стрелкам часов, а по расписанию молитв. Каждое утро пробуждение возвещал мерный, но властный звон колоколов, зовущий души к служению.

А я его даже не слышала. Спала так крепко, что Мариэтта всякий раз удивлялась, качая головой:

— Как ты можешь не слышать Благовест? Он же будит даже мёртвых.

Я лишь улыбалась в ответ. Моя вера, подобно тонкой восковой свече, теплилась — робкая, трепетная, но живая. Она горела, да, но до духовного пламени, что проникает в самую суть бытия, мне было ещё далеко. Возможно, именно эта незавершённость и неоформленность внутреннего пути, позволяли мне так остро чувствовать особую атмосферу монастыря.

Пока сёстры и послушники, облачённые в строгие одежды, стекались к утренней молитве, я всё ещё нежилась в полусне, упиваясь мгновениями покоя. Поднималась я лишь за четверть часа до начала рабочего дня — ровно столько, чтобы умыться, одеться и окинуть взглядом этот удивительный мир, который, казалось, заново рождался с каждым рассветом. Спускаясь по винтовой лестнице, я невольно погрузилась в воспоминание.

Мне было четырнадцать. Мама вела меня за руку — не как дочь, а как новичка, которому предстоит узнать первые уроки труда. Её ладонь была тёплой и твёрдой, а в глазах светилась та особая гордость, с которой взрослые вводят детей во взрослый мир.

— Здесь всё начинается с утра, — сказала она, останавливаясь перед дубовыми дверями трапезной. — И слова не так важны, как дела.

Она подвела меня к специальной тележке, заставленной

подносами с выпечкой. Я аккуратно достала первую булочку. Она была ещё горячей, податливой, с золотистой корочкой, хрупкой на ощупь. Аромат поднялся облачком — сладкий, с нотками ванили и мёда. Я расставляла выпечку на блюдах, стараясь делать всё так же плавно и сосредоточенно, как мама. Каждое движение было новым открытием: как правильно держать нож, как ровно нарезать хлеб, как не пролить ни капли мёда на скатерть.

И в тот момент, когда я, гордая собой, расправила плечи, раздался звук открывающейся двери. В помещение вошёл незнакомец. Его появление нарушило безмолвие неземным голосом:

— Какое благоухание... Будто сам рай приоткрыл свои врата.

Я обернулась. Он стоял в проёме и улыбался.

— Вы творите чудеса, — сказал он, глядя на подносы с выпечкой. — В этом хлебе — душа.

Мне выдали фартук и косынку — униформу, строгую и безликую. Серая ткань, простой крой, ни намёка на индивидуальность. Но я не могла смириться с этой монотонностью. В кармане фартука лежала тонкая цветочная лента — бледно-розовая, с нежными голубыми вкраплениями. Я повязала её на запястье, и этот маленький штрих вдруг оживил весь наряд. Как капля краски на сером холсте — едва заметная, но такая важная.

В этом была вся я.

Пока другие аккуратно выстраивали пирожки в ровные ряды, я сервировала их зигзагом — игриво и чуть дерзко. Не по правилам, но с душой. Я наблюдала, как посетители — монахини, паломники, редкие гости — подходят к столу. Кто-то улыбается, заметив необычный узор из выпечки. Кто-то задерживает взгляд на моей ленте, а кто-то просто берёт пирожок, не обращая внимания на детали. Но мне было важно не это. Важно было создавать — пусть крошечные, но островки тепла и красоты в этом мире.

Иногда старшая по трапезной качала головой, глядя на мои художества:

— Вианн, порядок — это тоже молитва.

А я отвечала:

— А красота — её музыка, матушка.

Она вздыхала, но не ругала. Наверное, понимала, что в этой цветочной ленте на запястье и в зигзаге из пирожков моё искреннее желание внести в мир немного света.

— Доброе утро, дорогие друзья! Как ваше настроение в этот прекрасный день? — прозвучал звонкий и полный энергии голос.

Я обернулась. Передо мной возник послушник Леон. Наше знакомство длилось уже довольно долго — каждый раз при встрече мы обменивались тёплыми приветствиями. Он был старше меня на пять лет. Его внешность невольно приковывала взгляд: каштановые волосы, аккуратно зачёсанные

назад, подчёркивали благородную линию лба, а осанка выдавала человека, прошедшего через бурю и вышедшего из неё с выпрямленной спиной. В нём чувствовалась та особая стать, которая рождается лишь после долгой внутренней работы. Но больше всего завораживали его глаза. Два глубоких озера, в которых мудрость зрелости переплеталась с затаённой печалью. Взгляд его был одновременно и пристальным, и отстранённым — будто он видел не только собеседника, но и что-то за его спиной, что-то, недоступное остальным.

— Леон! Какое чудесное утро! Я так счастлива вновь оказаться среди вас, — произнесла я, вложив в слова всю теплоту, на которую была способна.

Внутри, впрочем, шевельнулось нечто неуловимое — лёгкий диссонанс и тень сомнения, скользнувшая по краю сознания. Но я сознательно отстранилась от неё.

— Не могу поверить своим глазам! Сколько же времени прошло с нашей последней встречи? Как твои дела?

— Всё просто великолепно! Жизнь бьёт ключом, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась лёгкой. — А ты, случайно, не к Мариэтте ли направляешься?

— Думаю, да. Но, видимо, судьба распорядилась иначе. Забежал узнать, как у всех дела.

— Может быть, приготовить тебе чашечку ароматного кофе?

— Благодарю за заботу, но от утреннего кофе я воздержусь. Хотя днём с удовольствием выпил бы чашечку, — он

улыбнулся шире.

— Хорошо, я учту твоё пожелание.

Леон сделал шаг назад, собираясь уходить, но задержался на мгновение.

— Что ж, не буду больше отвлекать вас от дел. Передай, пожалуйста, Мариэтте мои наилучшие пожелания. И желаю всем вам прекрасного дня, наполненного радостью и светом!

— Обязательно передам! И тебе прекрасного дня! — откликнулась я, провожая его взглядом.

После его ухода я ещё некоторое время стояла у окна, наблюдая, как утренний свет растекается по двору, превращая обычные камни в золотые слитки. Тишину нарушил лёгкий скрип двери.

— Вианн, я вернулась! Сегодня нас ждёт поистине знаменательный день — мы наконец-то начнём подготовку к светлому празднику Рождества!

Она стояла в дверях, чуть покрасневшаяся, с глазами, сияющими от предвкушения.

— А не рано ли? — улыбнулась я. — Кстати, знаешь ли ты, что Леон заглядывал к нам сегодня? Он передал тебе сердечный привет и сообщил, что заглянет к нам днём на чашечку кофе.

Мариэтта на мгновение замерла, потом тихо рассмеялась.

— Леон? Вот так сюрприз! Ну, будем ждать его. По поводу Рождества... Мы всегда ведь готовимся заранее. Закупка материалов, составление программы для детей, реализация

декораций. Столько всего нужно успеть!

Она развернула папку, и перед нами возникла карта предстоящих дел: списки, заметки, наброски эскизов. Я подошла ближе, разглядывая её аккуратные пометки.

— Смотри, — она указала на один из листов, — я уже прикинула, какие украшения нам понадобятся. Дети будут мастерить звёзды из соломы и цветной бумаги, а ещё я хочу, чтобы в трапезной стояла большая ёлка.

Я кивнула, уже представляя, как всё это будет выглядеть: мерцающие огоньки, запах хвои и горячего чая, детские голоса, выводящие рождественские гимны.

— И конечно, — продолжила Мариэтта, словно читая мои мысли, — нужно продумать угощение. Мы сделаем пряничные домики, имбирные печенья и приготовим горячий шоколад с корицей! Всё должно быть идеально.

— Значит, начинаем?

— Начинаем! — подтвердила Мариэтта и протянула мне лист бумаги.

В чарующую эпоху рождественских торжеств, когда морозный воздух пронизан предвкушением Чуда, в каждом португальском доме родные собираются вместе, чтобы отправиться в храм на полуночную службу. Этот ритуал, пропитанный духовностью и сиянием свечей, составляет важнейшую часть рождественских гуляний. В Португалии бытует особый обычай: определённую часть подарков принято

распаковывать в ночь с двадцать четвёртого на двадцать пятое декабря. Это время отмечено не только душевным теплом семейных встреч, но и особенным ритуалом — обходом жилищ детьми и юношеством, которые с весёлыми песнями стучатся в жилища горожан. Это пора, когда гостеприимство становится философией бытия, а дом — храмом обмена радостью.

Что касается монастырских стен, то в их пределах с особым почтением воздвигается рождественский вертеп — не просто украшение, а целая миниатюрная модель мироздания. Фундаментом служит изображение грота, символизирующего место появления на свет Спасителя. Этот грот, воплощённый в форме уютного навеса, обладает неповторимой конструкцией: с одной стороны он представлен сплошной стеной, создающей атмосферу уединения и защищённости, а с другой, как открытое пространство, позволяющее созерцать дивную сцену рождения надежды из любой точки помещения.

Мы расположились за дубовым столом, где разложили всё необходимое: листы бумаги и карандаши разных оттенков.

— Начнём с вертепа, — произнесла Мариэтта с той особой сосредоточенностью, что всегда появлялась, когда она бралась за важное дело. — Древесина для основы должна быть не слишком толстая, но прочная.

Я аккуратно вывела: «Древесина», а затем, подумав, добавила сбоку: «Мох для натуральности»

— Солома, — продолжила Мариэтта, загибая пальцы. — Ткани: парча для одеяний Марии и Иосифа, попроще — для пастухов.

— А если для яслей использовать не просто мешковину, а ткань с вышитыми звёздочками? — вырвалось у меня. — словно небо спустилось к земле.

Мариэтта на мгновение замерла, потом улыбнулась:

— Прекрасная мысль! Записывай.

Я с воодушевлением добавила в список: Ткани с вышивкой (звёздочки для яслей), солома, парча, лён, мешковина и нитки (золотые, серебряные, простые).

— Фигурки сделаем из дерева или глины, — продолжала Мариэтта. — И маленькие светильники.

— Которые можно украсить миниатюрными снежинками из проволоки! — подхватила я. — Или крошечными бусинками, похожими на капли росы.

— Отлично! А для трапезной?

Я на секунду закрыла глаза, представляя пространство.

— Ветки ели, конечно, — начала я. — Но давайте добавим не просто шишки, а шишки, внутри которых спрятаны маленькие портативные свечи. Когда их зажгут, будет казаться, будто в каждой шишке горит крошечное солнце.

— Восхитительно!

— Ещё гирлянды из сушёных апельсинов и корицы, — продолжила я. — А между ними — бумажные звёздочки.

Мариэтта слушала, не перебивая, но её улыбка говорила

больше слов.

— Бумажные ангелы, — напомнила она.

— Но не простые, — оживилась я. — Каждый ангел будет держать в руках маленький свиток с добрым пожеланием. Дети смогут выбирать их, как предсказания.

Я дописала последний пункт, оглядела наш список — теперь он выглядел не просто перечнем материалов, а картой волшебного путешествия. Каждая строчка таила в себе образ, эмоцию, кусочек чуда, которое мы собирались создать.

После того как мы внесли в наши записи все значимые детали — от материалов для вертепа до замысловатых идей по украшению трапезной, — наступило время вернуться к привычному монастырскому ритму. Наши прилавки напоминали сокровищницу, где каждая вещь хранила в себе отголосок старинного мастерства. Здесь можно было найти душистую выпечку — с хрустящей корочкой и ароматом, от которого невольно пробуждался аппетит; целебные бальзамы, приготовленные по рецептам, бережно хранимым не одно столетие; натуральные косметические средства — в скромных стеклянных баночках, с этикетками, подписанными аккуратным почерком Мариэтты. Аккуратно выстроила их в ряд, чтобы лучи солнца, пробивающиеся сквозь витражи, играли на стеклянных гранях, а рядом расположились баночки с кремами.

В одну из редких минут затишья я решила связаться с родителями. Их голоса, чуть приглушённые расстоянием, но

полные живого энтузиазма, ворвались в моё уединение, наполнив пространство яркими образами далёкого моря. Они делились подробностями путешествия — не просто круиза, а настоящего испытания, в которое неожиданно превратилось их плавание.

— Ты не поверишь, что здесь творится! — воскликнула мама, — мы словно попали в легенду, в самую сердцевину мифа!

Они рассказали, как белоснежный лайнер, этот символ роскоши и покоя, вдруг оказался в эпицентре яростного шторма. Сама природа решила напомнить человеку о его месте в этом мире — не владыки, а гостя. Родители описывали это с такой живостью, что я почти видела всё своими глазами: исполинские валы, подобные мифическим титанам, поднимались из глубин и с неистовой мощью обрушивались на стальной корпус судна. Казалось, океан жаждет поглотить его целиком, утащить в свои мрачные недра, где властвуют вечная тьма и безмолвие.

— Капитан был невозмутим, — продолжал отец, и в его тоне слышалось уважение. — Как фигура на носу древнего галеона — спокойный, сосредоточенный. Экипаж работал слаженно, пассажиры сохраняли спокойствие, а я — вопреки всему — испытывал не страх, а восхищение перед мощью природы.

— Это было страшно, — призналась мама.

Мой отец не остался в стороне — он сразу включился в

помощь команде. Он принадлежал к тем редким людям, чью душу океан похищает навсегда. Однажды ступив на палубу и вдохнув солёный ветер, наполненный криками чаек и звоном такелажа, он уже не мог принадлежать суше по-настоящему. Даже когда судьба заставила его сойти на твёрдую землю — ради меня, ради семьи, — в его глазах всегда мерцала далёкая морская даль. Отец твёрдо верил, что став моряком — человеком, чья душа навеки связана с морской стихией, — остаёшься им навсегда. Это не профессия и не ремесло. Это призвание и клятва, которую дают не на словах, а всем существом, чувствуя, как ритм волн становится ритмом твоего сердца.

Когда я появилась на свет, ему пришлось оставить бескрайние морские просторы. Он обосновался на твёрдой земле, но она всегда была для него лишь временной пристанью. В тихие вечера, сидя у окна, он невольно сжимал пальцы, словно держа штурвал, а взгляд его скользил по горизонту, будто искал там то, что нельзя забрать с собой на берег. В его душе всё ещё бушевали шторма. Он часто ощущал зов Посейдона — негромкий, но настойчивый, как прилив, который тянет воду обратно в океан. Иногда, стоя у самого края причала, он закрывал глаза и вдыхал воздух, насыщенный солью и влагой, и в этот миг я видела, что он снова там — среди волн, среди ветра, среди той первозданной силы, что зовёт его домой.

— Ещё раз всем добрый день! — произнёс Леон, переступая порог с той самой лучезарной улыбкой. — Надеюсь, вы не передумали насладиться кофе?

— Леон, здравствуй! — оживилась Мариэтта, оторвавшись от кассы. — Мы сами едва держимся на ногах от изнеможения. Сейчас, кажется, наступила короткая передышка, и мы с удовольствием выпьем чашечку кофе! Какой ты изволишь?

— Я бы выбрал крепкий, без капли молока, — ответил он с лёгким поклоном. — Спасибо за внимание.

Мы переместились к рабочему столику, буквально утопавшему в документах, набросках и записках. Мариэтта ловко расчистила уголок, поставила три чашки и разлила ароматный напиток.

— Вианн, расскажи, ты теперь здесь остаёшься на ночь или всё же возвращаешься домой?

— Нет, пока я предпочла обитать здесь, — ответила я с лёгкой улыбкой. — Но намереваюсь периодически наведываться домой, когда ощущу сильную тоску по родным краям.

— Понимаю, — кивнул Леон, и в его голосе прозвучала неподдельная сочувственная нотка. — Частые разъезды способны изрядно измотать. А как складываются твои трудовые будни? Не чересчур напряжённые?

— Несколько выматывают, да, — призналась я. — Но в общем всё знакомо, так что... как говорит Мариэтта, с божьей помощью мы одолеем любые преграды!

Она рассмеялась.

— Вот именно! — подтвердила Мари, усаживаясь напротив. — А пока — давайте просто насладимся этим мгновением. Кофе, тишина, добрые лица. Разве не этого порой так не хватает?

Леон поднял чашку, произнося безмолвный тост. Я последовала его примеру. Три чашки соприкоснулись с тихим, почти музыкальным звоном.

Наш разговор продолжался, плавно перетекая от одной темы к другой. Мы говорили о мелочах — о погоде, о предстоящих праздниках, о случайных встречах, — но в этих словах таилось нечто большее, чем простая беседа. И в какой-то миг я ощутила это — удивительное чувство невесомости, почти парения, которое затопило меня изнутри. Это было дивное, но тревожное переживание — словно душа, отделившись от тела, потянулась к чему-то неведомому, но бесконечно родному. Я чувствовала, как она трепещет, как тянется к невидимой искре, которая мерцает где-то рядом — в голосе Леона, в его взгляде, в паузах между словами.

Я не ведала, как управиться с этим внезапным проявлением чувств. Оно обрушилось на меня, как волна, которую невозможно остановить. Разум ещё пытался сопротивляться — выстраивал баррикады из доводов, напоминал о приличиях и границах, — но сердце уже сдавалось.

Я опустила глаза, боясь, что он прочтёт в них то, что я сама ещё не готова была принять. А он продолжал говорить,

не подозревая, какие бури бушуют в моей душе.

В конце, когда мы провожали Леона, он задержался у самых дверей, затем обернулся.

— Вианн, — произнёс он, и в его голосе прозвучало нечто новое — не просто вежливость и дружеское участие, а что-то более весомое. — У тебя очень интересное мышление. Яркое.

— Спасибо, не думала, что это заметно.

— Заметно. Ты видишь мир иначе, не через призму готовых ответов, а через вопросы и оттенки, через то, что скрыто между строк. Это редкость.

Я не нашлась с ответом. Внутри всё смешалось: смущение, радость, тревога. Как объяснить, что эти слова попали в точку, что где-то глубоко во мне живёт потребность видеть больше, чувствовать глубже, искать смысл там, где другие проходят мимо?

Мариэтта, стоявшая рядом, мягко коснулась моего плеча:

— Мы все это замечаем, Вианн. Просто Леон первый решился сказать вслух.

Он кивнул и снова взглянул на меня — долго и внимательно.

— До встречи!

Ощущение было странным — внутри меня раскрылась невидимая дверь, за которой таились чувства, не имеющие названия. Я не могла найти им объяснение и облечь в слова. Они переливались, сменяя друг друга, как оттенки на

закате: то тёплые и золотистые, то тревожные, почти лиловые. Сколько разных чувств мы способны испытать — и каждое ощущается по-своему. Одно обволакивает, как мягкий шёлк, другое пронзает, словно острая игла; третье пульсирует где-то на периферии сознания, едва уловимое, но настойчивое. Они не похожи на звуки в мелодии — скорее на целый оркестр, где каждый инструмент играет свою партию, а ты пытаешься уловить общий мотив.

«Как странно, — подумала я, — мы живём, думая, что знаем себя. А потом кто-то произносит несколько слов — и мир внутри нас меняется.

Призраки прошлого в настоящем

Наши свидания неизменно проходили в заповедных уголках леса. Сейчас, погружаясь в воспоминания о той поре, я часто задаюсь вопросом: что же влекло нас именно в эти места, а не в уютные заведения города, где можно было укрыться от посторонних взглядов? И тут в памяти всплывает наш давний разговор...

— Почему мы всегда выбираем лес? — спросила я Леона, когда мы вновь оказались в объятиях природы.

— Вглядишься в эти величественные деревья, — ответил он, обводя рукой окружающий пейзаж. — Они, как стражи наших тайн, хранящие каждую крупицу пережитого. Каждое наше прикосновение и сказанное слово оседает в их памя-

ти навечно. Даже если судьба разлучит нас, я вернусь сюда, чтобы вновь пережить эти мгновения.

— Звучит как поэзия, но как же деревья могут хранить наши воспоминания? — улыбнулась я его словам.

Он нежно провёл ладонью по шершавой коре дерева и произнёс с уверенностью:

— Прикоснись к этому стволу — и ты вновь ощутишь все те эмоции, что испытывала прежде. Но не только деревья хранят память, любой предмет, к которому ты прикасаешься, несёт в себе частицу прошлого. Когда ты касаешься его, невольно возвращаешься в те дни. Понимаешь?

Постепенно до меня дошло, что не только вечность, но и материя — суть памяти. Тропа, по которой мы бродили, небо, под которым мы кружились в танце вопреки ветру, тот самый фонарь, при свете которого мы делились трепетными посланиями — всё это было пропитано моментами, куда более значимыми и волнующими, чем безликие сообщения в социальных сетях.

В этих природных декорациях наши чувства становились ярче, а слова — искреннее. Здесь, наедине с природой, мы учились слышать друг друга без слов, понимать взглядом и чувствовать сердцем. И каждый такой момент становился частью вечного цикла жизни, вписанным в летопись леса золотыми буквами нашей любви.

Природа — великий хранитель человеческих чувств, безмолвный свидетель истины. Она не только наблюдает за на-

ми, но и впитывает каждую эмоцию, каждое прикосновение и признание. В лесу, вдали от городской суеты, мы находили то, чего так не хватало в современном мире — искренность, чистоту чувств и единение с чем-то вечным и неизменным.

Глава 6. На краю признания

Прошло уже три долгих месяца.

Каждый раз, когда я наведывалась домой, дорога казалась всё более изматывающей. Не физически — хотя и это тоже, — а как-то глубже, на уровне души. Словно она противилась возвращению в прежний ритм: шумный и торопливый, наполненный бесконечной чередой дел и разговоров.

Дома всё было знакомым: привычные предметы на привычных местах, запахи, звуки, даже тени, лежащие на пол в определённое время суток. Но теперь они воспринимались иначе — как декорации спектакля, в котором я больше не играла главную роль. Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к тишине, которой так мало было в моей жизни, и тосковала по ней, едва переступив порог.

В монастыре же всё выстраивалось иначе. В выходные дни я обычно уединялась в своей келье — этом крохотном островке безмятежности, где время текло медленнее, а мысли обретали ясность. Здесь не нужно было никуда спешить, никого убеждать, ничего доказывать. Только тишина, свет из узкого окна и ощущение, что ты наконец-то можешь быть. С упоением я погружалась в чтение. Книги становились для меня порталами в иные миры — то величественные и эпические, то тонкие и лирические. Я читала медленно, смакуя каждое слово, позволяя образам оседать в сознании, как

пыльце на крыльях бабочки. Иногда я останавливалась на одной-единственной фразе, перечитывала её снова и снова, пока она не становилась частью меня. А ещё я наблюдала за птицами. Они стали моими невольными наставниками. Я следила за их полётом, таким лёгким, свободным, лишённым сомнений. Они не размышляли о том, правильно ли выбирают направление, не тревожились о завтрашнем дне. Они просто летели. Их поведение, их повадки, их молчаливая мудрость вдохновляли меня. Они напоминали мне, что свобода — это не отсутствие границ, а умение жить в согласии с собой и миром.

Леон нередко навещал нас, из наших неторопливых бесед за чашкой чая я узнала, что он проходит послушание — важный этап подготовки к великому и необратимому шагу: принятию малой схимы. Это не просто формальность, не очередной обряд, а обручение с Вечностью. Я пыталась представить себе этот путь, то, как человек постепенно снимает с себя все маски мирской жизни, как освобождается от груза привычек, привязанностей и желаний. Как учится слышать в тишине голос, который раньше заглушали шум и суета. Его жизнь в монастыре текла размеренно и спокойно, подчинённая ритму, который был старше человеческой памяти. Звон колоколов, чередующийся с тишиной молитв; простые дела, наполненные смыслом; часы уединения, когда душа встречается сама с собой. Всё это складывалось в особый узор —

узор духовного возрастания.

Путь к монашеству требовал от Леона полной самоотдачи. Я понимала, что приняв постриг, он окончательно разорвёт нити, связывающие его с мирским. Я смотрела на него — спокойного, сосредоточенного, с этим новым, почти незримым светом в глазах — и искренне не понимала, как такой молодой мужчина может осознанно выбрать жизнь в тишине. В моём представлении молодость была синонимом движения и жажды впечатлений, стремления охватить всё и сразу.

Однажды я решилась спросить:

— Леон, тебе никогда не бывает... тесно здесь? Не хочется вырваться, увидеть мир, почувствовать его дыхание?

— Тесно бывает только тогда, когда внутри пусто, — ответил он. — Когда ты бежишь, чтобы не слышать себя. А здесь я впервые ощутил простор. Не тот, что за горизонтом, а тот, что внутри.

— Ну а твоя семья, что она думает на этот счёт? — спросила я, невольно понизив голос.

Он сложил руки на коленях. Молчание затянулось — не тягостное, но наполненное невысказанным. Может быть, семья не поддерживает его? Может, в их взглядах он читает не одобрение, а растерянность, даже страх за сына, который выбирает путь, казавшийся им отречением?

Я уже хотела извиниться за нескромный вопрос, но он наконец заговорил:

— Главное, что мы сами думаем о тех делах, которые совершаем.

— Да, ты прав, — согласилась я, слегка смутившись. — Но было бы здорово увидеть тебя другим... Интересно просто.

Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать.

— Я таков. Другого нет. Как и тебя — такой же нет. Ты такая, какая есть.

Леон говорил об обетах тихо, но в его голосе звучала непоколебимая твёрдость. Он не декламировал догматы, а делился тем, что стало его сутью.

— Целомудрие, — произнёс он, глядя куда-то вдаль, за пределы стен трапезной, — это не отрицание любви, наоборот — её преумножение. Просто я учусь направлять эту силу не на мимолетные привязанности, а на то, что вечно: на Бога и на каждого человека, которого встречаю. Это как перенастроить фокус. Вместо множества размытых образов — один чёткий свет, от которого зажигаются другие огни.

Я задумалась о том, как можно вместить всю пылкость человеческого сердца в столь строгие рамки?

— Нестяжание, — продолжил он, — это освобождение. Не от вещей даже, а от иллюзии, что они могут сделать меня счастливым. Знаешь, когда я отказался от привычки покупать то, что «хочется», а не то, что нужно, внутри стало просторнее. Как будто снял тяжёлый рюкзак, который носил годами и уже не замечал его веса.

Я вспомнила свои бесконечные списки желаний, корзины в интернет-магазинах, ощущение, что вот ещё одна покупка — и я наконец буду довольна. И молча завидовала этой лёгкости.

— А послушание... — Леон на мгновение запнулся, — это, наверное, самое трудное. Не подчинение, а доверие. Готовность сказать: «Я не всё знаю, но готов учиться, готов услышать то, что может не совпадать с моими представлениями». Это как встать перед океаном и признать: «Я — капля, но в этой капле отражается целое».

— Ты боишься? — вырвалось у меня. — Что не справишься? Что однажды захочешь вернуться к прежней жизни?

Теперь задумался Леон. За окном пролетела птица, оставив за собой едва уловимый след в воздухе.

— Боюсь, — признался он просто. — Но страх — это не враг, а напоминание, что я живой. Что выбираю не из-за комфорта, а вопреки ему, что моя свобода — не в том, чтобы делать, что хочу, а в том, чтобы хотеть правильного.

Каждый раз, когда мы говорили об этом, я чувствовала, как между нами возникает особая связь — тонкая, но прочная. Мы стояли на разных берегах, и каждый видел свой мир с разных ракурсов: я — в буйстве красок и звуков, он — в строгой гармонии тишины и смысла.

И всё же, несмотря на эту разницу, мы понимали друг друга. Не на уровне слов, а глубже — на уровне чувств. Я не

могла до конца постичь его путь, но чувствовала его подлинность, а Леон не осуждал мой мир, не пытался навязать свои истины — он просто видел меня. Видел мою суету, мои метания, мои попытки ухватиться за момент — и принимал их без осуждения.

Я всегда ощущала себя носителем тонкой романтической натуры — словно внутри меня тлел невидимый огонь, ждущий искры, способной превратить его в пламень. Моя душа ждала возвышенных переживаний, а мечтой было встретить то самое чувство, способное сжечь все условности, заставить сердце биться в унисон с неведомым ритмом Вселенной и наполнить воздух вокруг искрами, видимыми лишь тому, кто сам горит этим светом.

Прежде он существовал для меня лишь как размытый силуэт, мимолетный образ. Но теперь... Теперь его глаза неотвратимо влекли мой взор, а сердце хотело узнать его полностью.

«Должно быть, я окончательно потеряла якорь рассудка», — шептала я про себя, пытаясь ухватиться за обрывки логики. Или, быть может, просто не сумела как следует восстановить силы после долгой череды дней? Иначе как объяснить эти странные мысли, что роем пчел кружились в моей голове? Как оправдать это непривычное волнение, что пробегает по коже при каждом его взгляде? Особенно здесь — в этом ковчеге святости.

«Неужели незначительные перемены в чертах его лица способны настолько преобразить моё восприятие?» — продолжала я шептать, почти беззвучно, пытаюсь рационализировать то, что по самой своей природе было иррациональным.

А его глаза по-прежнему жили в моей памяти, в которых таилось больше вопросов, чем ответов, больше тайн, чем я могла постичь. И самое тревожное — я уже не хотела их разгадывать. Я хотела лишь смотреть, чувствовать и позволять этому сладкому смятению заполнять каждую мою клеточку. Сердце предательски замирало при каждой мысли о нём — как птица, ударившаяся о невидимую преграду, а потом вновь взмывающая ввысь. Я вела незримую борьбу — упорную, почти изнуряющую — с притягательностью к человеку, к которому, по всем законам мира, моим чувствам не следовало бы возникать. В глубине души я отчётливо понимала: это притяжение — как зыбкий морок, как мираж в пустыне, манящий и обманчивый одновременно. Мне было чрезвычайно важно удержать хрупкую грань и не позволить эмоциям переступить границы простой дружбы. Я словно стояла на краю пропасти, где один неосторожный шаг мог обернуться катастрофой: разрушением устоявшегося порядка, крушением внутренних опор, и наверное даже болью. В такие минуты я осознавала, что борьба идёт не с ним, а со мной самой — с той частью души, которая жаждала не просто дружбы, а чего-то большего, способного перевернуть мир с ног на

голову. Но чем упорнее я противостояла этим чувствам, тем мощнее они разрастались.

Что касается Леона... В его манерах не прослеживалось ни малейшего намёка на особые чувства. Он оставался неизменно учтив, сдержан, почти бесстрастен. Но я не могла отделаться от смутного, но настойчивого ощущения, что его визиты стали систематическими именно с той поры, как я вернулась. Прежде он появлялся у нас от случая к случаю. Теперь же его присутствие обрело закономерность. Мариэтта как-то заметила вскользь: «Странно, раньше он навещался куда реже».

В моём сознании царил полнейший сумбур. Мысли путались, чувства перетекали друг в друга, образуя хаотичный водоворот, из которого невозможно было выплыть. Чтобы как-то привести их в порядок, я принялась искать методы экстренной самозащиты. Оптимальным решением будет создать между нами хотя бы видимую дистанцию. Не потому, что я хотела его оттолкнуть, а потому, что боялась потерять себя в этом нарастающем вихре чувств.

Целую неделю я изобретательно уклонялась от встреч с Леоном. Действовала предельно осторожно, чтобы не вызвать подозрений, не ранить его, но и не дать себе упасть в эту бездну. Прибегала к самой изящной уловке: прикладывала телефон к уху и с самым серьёзным видом начинала несуществующий диалог. Каждое из этих объяснений было тщательно продуманным элементом моей маленькой игры,

частью выстроенной стратегии выживания. Я убеждала себя, что это временно. Это лишь способ перевести дух, обрести равновесие, разобраться в себе. Но в глубине души понимала: эта игра не может длиться вечно. Рано или поздно наши пути неизбежно пересекутся.

Этим вечером я отважилась на недолгую прогулку по лесу — мне отчаянно требовалось освежиться после утомительного дня. Едва я ступила под своды деревьев, как ощутила блаженную прохладу. Воздух был напоён свежестью, а редкие дождевые капли, будто струны арфы природы, нежно ласкали землю. Они падали на листья, на тропинку, на мои ладони, оставляя крохотные холодные следы, от которых по коже пробегали лёгкие мурашки.

Я всегда полагала, что те, кто не боится выйти под дождь, упиваются жизнью, во всех её проявлениях. Они умеют замечать прекрасное даже в самых скромных проявлениях мироздания. Такие люди, способны видеть волшебство в обыденном, слышать музыку там, где другие слышат лишь шум. Мне нравилось гулять под дождём и ощущать, как капли стучат по плечам, стекают по волосам и щекочут щёки. Нравилось поднимать лицо к небу и ловить их ртом — прохладные, чистые, почти невесомые. В эти мгновения мир становился проще и искреннее. Все тревоги, сложные вопросы и внутренние баррикады растворялись в этой обволакивающей влаге.

Лес, окутанный пеленой дождя, предстал передо мной во всей первозданной красе — таинственный и сказочный. Капли, как бисер, осыпали ветви, а влажный воздух пропитался запахом земли и хвои. Я вставила наушники, и в уши хлынула мелодия «This I Love» Guns N' Roses. Гитарные переливы, голос Эксла Роуза, проникающий в самое сердце... Кажется, эта песня была создана для таких мгновений — когда мир вокруг растворяется, а остаётся лишь ты и музыка, сплетающаяся с шумом дождя в единую симфонию.

В эту безмятежную гармонию вкрадчиво вплелось нечто чужеродное. Сперва я подумала, что это просто игра воображения, эхо мелодии, искажённое шумом ливня. Однако с каждой секундой ощущение нарастало, обретая плоть: кто-то приближался.

Я замерла.

Силуэт постепенно проступал из темноты, как вырезанное из ночи пятно, постепенно обретающее форму. Человек. Тревога холодной змеей обвила позвоночник, скользнула к затылку, заставив волоски на шее встать дыбом. Внутренний голос, обычно сдержанный, теперь кричал: «Пора уходить! Срочно уходить!»

Но ноги... ноги словно приросли к земле.

Я лихорадочно шарила рукой в кармане, пальцы дрожали, натыкаясь на монеты, обрывки бумаги, бесполезные мелочи. Где ключи? Где эти крошечные, но сейчас столь необходимые ключи от дома — моё единственное спасение, мой

хрупкий щит между мной и этой надвигающейся неизвестностью? Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось. Я поспешно сняла один из наушников — мир тут же обрушился на меня всеми звуками ночи: шорох дождя, отдалённый гул ветра, треск веток и шаги. Они становились всё ближе.

Я сжала в кулаке ключи — наконец-то! — и медленно, стараясь не делать резких движений, повернулась, чтобы уйти. Но в тот же миг силуэт остановился.

— Привет!

— Ох, Лео, ты меня напугал, — вырвалось у меня мгновенно, и я невольно прижала ладонь к груди, пытаюсь унять бешеный ритм сердца. — Даже собиралась тебя ключами пощекотать, — добавила я, стараясь сгладить неловкость шуткой.

— Ну, твоя защита довольно слаба, — с лёгкой усмешкой заметил Леон. — Может, тебе стоит обзавестись телохранителем?

— Может, тебе стоит перестать появляться так внезапно, словно призрак из старинной баллады, заставляя моё сердце трепетать от страха? — парировала я, и в голосе моём проскользнуло едва заметное кокетство.

— Похоже, ты решила насладиться уединённой прогулкой, — произнёс он мягче, оглядывая лес, окутанный дождём. — Приношу извинения, если нарушил твои планы.

— Да нет, я просто ожидаю автобус, — ответила я, и фраза

эта прозвучала в моей голове, как фальшивая нота — резко и неестественно. Я даже мысленно поморщилась от нелепой лжи.

Ночь. Лес. Дождь. Какой автобус? Какой транспорт? Он уехал ещё несколько часов назад, а я стою здесь, среди мокрых деревьев, и пытаюсь придумать оправдание.

— Может быть, я предложу тебе свою компанию и провожу до остановки?

— Подожди, я на самом деле не жду никакой автобус.

Я увидела, как его лицо выразило искреннее удивление — мимолетное, но оттого ещё более пронзительное. Брови чуть приподнялись, в глазах вспыхнул вопрос, оставшийся без слов. После недолгой паузы он произнёс тихо, но твёрдо:

— Ты пытаешься избегать меня? Если моё присутствие доставляет тебе неудобство, пожалуйста, скажи прямо. Я не хочу быть тем, кто преследует тебя или нарушает твои личные границы.

В тот миг, когда я почувствовала, как кровь прилила к щекам, окрашивая их в пунцовый цвет, внутри меня проснулся необузданный инстинкт. Это было нечто первобытное, что настойчиво требовало выхода, жаждало открыться и обнажить душу перед ним. Сердце билось учащённо, словно умоляя сбросить маски и поделиться истиной — той самой, которую я так старательно прятала.

— Леон, поверь, всё совсем не так, как может показаться, — произнесла я, отчаянно пытаюсь подобрать нужные слова,

способные передать всю гамму внутреннего цунами. Слова метались в голове, сталкивались и рассыпались, не складываясь в нужную фразу.

— Тогда объясни мне, в чём же дело? Ты словно превращаешься в другого человека, стоит мне появиться. Твоё лицо заливается румянцем, будто ты в гневе, а взгляд становится отстранённым. Я должен понять, чем мог тебя задеть, — продолжал он, и в глубине его глаз читалась неподдельная тревога.

— Ты не сделал ничего плохого, — вновь начала я, собираясь с духом, чтобы выразить то, что терзало мою душу. — Просто я...

Но мои слова оборвал внезапный, спасительный или роковой возглас, донёсшийся откуда-то издалека. Он ворвался в наш напряжённый диалог, как порыв ветра, разрывающий тонкую завесу между двумя мирами.

Мы оба невольно обернулись на звук.

— Что вы тут делаете, стоя под дождём? Заходите, обогреетесь и выпьем ароматного чая! — раздался приветливый голос отца Иоана.

В этот миг реальность обрушилась на меня всей своей тяжестью: дождь, пробирающий до костей, тёмный лес вокруг, Леон, чей взгляд всё ещё искал ответы в моих глазах и этот внезапный, столь неуместный в нашей напряжённой сцене, но по-своему добрый призыв.

— Нет, спасибо, отец Иоан, я, пожалуй, откажусь. Мне

пора готовиться ко сну, — произнесла я, изо всех сил стараясь скрыть бурю, бушующую внутри.

Не дожидаясь новых уговоров, я торопливо зашагала к келии. Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Щёки пылали — не от дождя, не от вечерней прохлады, а от жгучего стыда и унижительного смущения, от которого хотелось провалиться сквозь землю. В глазах скапливались слёзы — солёные капли, способные растворить мою решимость и стереть последние остатки самообладания. Я ворвалась в комнату и лихорадочно схватила пушистое полотенце, словно оно могло стать щитом между мной и этим вечером, между мной и теми словами, что повисли в воздухе.

В душе каждая прохладная капля, стекающая по разгорячённой коже, смывала с меня не только дождевую влагу, но и то унижительное смущение, что тяжёлым комом стояло в груди. Я больше не сдерживала слёз — они свободно струились по щекам, смешиваясь с водяным потоком, окутавшим моё тело. Вода стала моим единственным утешением, моим молчаливым свидетелем.

— Вианн, о чём ты только думала, когда решилась обнажить свои чувства? — шептала я, и голос тонул в шуме льющейся воды. — Неужели ты не видишь духовную пропасть между вами?

Я закрыла глаза, и перед внутренним взором возник образ Леона.

— Он — будущий инок, — продолжала я, словно пытаюсь

вдолбить себе эту истину через боль. — В его жизни нет и не может быть места ничему, кроме беззаветной, высшей любви к Господу!

Эти мысли, словно отравленные стрелы, пронзали сердце одну за другой, оставляя после себя кровоточащие раны. Каждая рана была напоминание о том, что мои чувства неуместны, что они подобны цветку, пытающемуся расцвести на каменистой почве.

— Ты знала это с самого начала, — безжалостно продолжала я свой диалог. — Знала, но позволила себе надеяться. Позволила сердцу шептать то, что разум обязан был отвергнуть сразу.

Я медленно опустилась на пол душевой, обхватив колени руками. В моей жизни никогда не было ничего подобного. Эти чувства обрушились внезапно. Да, где-то в глубинах души я всегда грезил о подобной силе эмоций — о той самой любви, что переворачивает мир, а разум теряет привычную хватку. Но лишь при одном условии: что они будут связаны с человеком, с которым возможно построить земную связь. С тем, кто разделит со мной будни и праздники, чьи руки станут моим убежищем, а голос — тихой гаванью в бурю. Теперь же я стояла на краю пропасти, глядя вниз, в бездну чувств, которым не суждено сбыться. Обида заполняла меня до краёв, будто кто-то подслушал мои сокровенные мечты и решил сыграть жестокую, изощрённую шутку: показать мне их — и тут же отнять.

Дверь открылась, и на пороге появилась Мариэтта.

— Вианн, всё хорошо?

Я приоткрыла дверь душевой кабины. Вода всё ещё стекала по лицу, маскируя слёзы, но она, конечно, всё увидела.

— Да у тебя все глаза заплаканы, что произошло?

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

— Не беспокойся, просто вспомнила, что так и не реализовала свою мечту о сцене, — выговорила я, цепляясь за эту полуправду, как за соломинку. Она была безопаснее, чем признание в чувствах.

Мариэтта молча присела на пол, скрестив ноги, и стала ждать, пока я выйду. Её молчание не давило — оно было тем редким видом тишины, которая не требует слов, но готова принять их, если они всё же вырвутся наружу.

— Ну же, родная, — наконец заговорила она, когда я завернулась в полотенце и опустилась рядом. — У тебя вся жизнь впереди ещё. Тебе всего двадцать пять — куда сожалеть об утраченных целях?

Я пожала плечами, глядя на капли воды, стекающие с моих волос на пол.

— Да это так, пустяки.

— Нет, — она резко повернулась ко мне и обняла, крепко, по-сестрински. — Не пустяки. Это то, что живёт в тебе, а значит — важно.

Я прижалась к ней, чувствуя, как напряжение, сковывавшее грудь, понемногу отпускает. Мы посидели так недолго

— молча, обнявшись, — а когда я полностью успокоилась, поднялись и пошли в комнату.

Сон пришёл незаметно — но не тихий и безмятежный, а яркий, до боли реалистичный. Проснувшись, я обнаружила, что вся покрыта холодным потом, а сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди.

Сначала я оказалась в цветущем саду. Воздух был напоён сладким ароматом, а вокруг меня розы, лилии, жасмин. Каждый вдох наполнял меня покоем, каждая деталь казалась совершенной. Я шла по извилистой дорожке, касаясь пальцами лепестков, и чувствовала, как внутри расцветает безмятежность.

Но внезапно — словно кто-то выключил свет — всё изменилось. Вспыхнуло красное, хищное сияние, рассекающее пространство сада, как лезвие. В тот же миг исчезли все запахи, все звуки, вся жизнь. Листья пожухли на глазах, цветы осыпались прахом, а земля под ногами стала сухой и треснутой. И всё же меня непреодолимо тянуло к этому красному свету. Он манил, гипнотизировал, заставляя забыть обо всём, кроме него. Я двинулась вперёд, шаг за шагом, против воли разума. Приблизившись, я увидела, что это не просто свет — это сверкающая красная лента. Она пульсировала, извивалась, словно живое существо, обещая что-то неизъяснимое, но невероятно важное.

Не в силах сопротивляться, я коснулась её.

В тот же миг лента ожила. Она начала обвиваться вокруг

меня, словно змея, скользящая по своей жертве. Холодная, упругая, она сжималась всё туже, лишая дыхания и вытягивая силы. Я пыталась вырваться, но каждое движение лишь затягивало петлю крепче. И тогда в сознании раздался знакомый, но в то же время чужой, двойственный шёпот — голос Леона. Он был одновременно успокаивающим и тревожным, словно две стороны одной монеты:

«Ты в безопасности... Ты в ловушке...»

Его слова эхом отражались в мыслях, смешиваясь с биением сердца, с хриплым дыханием, с шорохом ленты, всё сильнее сжимающей моё тело.

«Ты можешь уйти... Ты не захочешь уйти...»

Я пыталась кричать, но голос тонул в этом красном безумии. Пыталась вспомнить, кто я, зачем я здесь, но мысли разбегались.

Лента сжималась. Голос звучал. А я теряла себя.

Призраки прошлого в настоящем

В те мгновения, когда реальность казалась невыносимо гнетущей, я искала тебя на страницах одного и того же письма, где были начертаны столь проникновенные строки:

Зажги свечи, пусть их мягкий свет наполнит пространство умиротворением и безмятежностью. Завари ароматный зеленый чай. Позволь себе хотя бы на краткий миг забыть о ноше, что давит на твои плечи, и о тягостных днях,

оставивших шрамы на твоей душе.

Даруй себе возможность погрузиться в атмосферу, сотканную из аромата свечей и тонкого запаха пожелтевших страниц любимой книги. Вспомни о том уютном клетчатом пледе, хранящем тепло незабываемых вечеров, когда время останавливалось, а мелодии виниловых пластинок Шарля Гуно, подобно волшебным нитям, сплетают воедино прошлое и настоящее. Всё это в совокупности, как целительный эликсир, способно исцелить израненную душу. Просто доверьтесь этому процессу. Отдайся этому вечеру целиком, отбросив все маски и роли. Открой свою душу и сердце перед самой собой, и ты непременно услышишь внутренний голос, подсказывающий, что действительно важно и ценно в этом мире.

В тот вечер, укутавшись в привычный плед, который оберегал меня от ледяного дыхания внешнего мира, я не могла найти покоя из-за терзавшего меня беспокойства. Погружаясь в размышления о причинах этого состояния, я постепенно осознала истину, которая была похожа на удар.

Я пришла к пониманию, что источником всех моих тревог являлся именно тот человек, чьи нежные и утешительные строки прежде дарили мне столь необходимое успокоение. Ты стал художником моей боли, воплощением всей мировой печали в одном лице.

Как можно доверять тому, кто должен был оберегать и защищать, но вместо этого низверг тебя в пучину безысходно-

сти? Как можно верить словам того, кто сам стал источником твоих слёз? Как примирить в душе противоречивые чувства к человеку, подарившему и самые светлые мгновения, и глубочайшую, экзистенциальную боль?

Глава 7. Между надеждой и реальностью

Три дня, окутанные тишиной, миновали с тех пор, как Леон в последний раз переступил порог трапезной. В идеале я должна была ощущать облегчение, но реальность оказалась совершенно иной. Его отсутствие стало физически ощутимым вакуумом в привычном пространстве, в котором я задышалась.

Я лихорадочно перебирала в сознании все возможные сценарии, где каждый поворот вёл к новому тупику. Что, если он решил, что моё сбивчивое поведение свидетельствует о нежелании видеть его рядом? Может быть, он сделал неверные выводы, истолковав мои попытки создать дистанцию как презрение или холодность? А вдруг он разгадал мои истинные чувства и теперь избегает встреч, считая их опасными или неуместными? Или, что ещё страшнее, он понял, насколько сильно я увлечена им, и это заставило его отступить? Возможно, он увидел в моих глазах то безумие, ту отчаянную страсть, которую я так старательно пыталась скрыть за маской показного спокойствия.

С каждым днём количество неразрешённых вопросов росло, а сомнения множились.

— Завтра твой долгожданный выходной! Наконец-то смо-

жешь как следует отдохнуть от всей этой рабочей суеты. Собираешься домой ехать? — с улыбкой спросила Мариэтта, присаживаясь рядом.

— Ох, если бы ты только знала, насколько я вымоталась... — вздохнула я, устало потирая виски. — Даже не уверена, что найду в себе силы добраться до дома. Наверное, останусь здесь, в монастыре, да и родители вернутся только через неделю.

— А я, знаешь, решила свои выходные с толком провести, — оживилась она. — Собираюсь в город съездить. У меня там важное дело — надо найти хорошего риелтора.

— Мариэтта, это же просто замечательно! Ты столько лет об этом мечтала, и вот наконец-то всё начинает складываться!

— Да, — мечтательно улыбнулась она. — Чувствую, что это начало чего-то нового и прекрасного. Надеюсь, удача будет на моей стороне.

— Обязательно будет!

— Знаешь, я каждый день благодарю Господа за то, что Он услышал мои молитвы и подарил мне эту возможность. Это настоящее чудо, и я не перестаю удивляться тому, как всё складывается. Наконец-то у меня появится собственное пространство, где смогу быть собой, где каждая мелочь будет отражать меня. Представляю, как буду выбирать каждую деталь интерьера, расставлять мебель и подбирать декор. А ещё я верю, что с Божьей помощью скоро завершу обучение

и получу заветные водительские права. Это станет ещё одной ступенью к моей независимости. А потом обязательно куплю свой первый автомобиль. Только представь, что я буду сама планировать свои поездки, без оглядки на расписание общественного транспорта. Смогу в любой момент отправиться на работу или куда душа пожелает, наслаждаясь свободой передвижения.

Мариэтта излучала такое сияние счастья, что казалось, будто внутри неё загорелось второе, домашнее солнце. Её будущее теперь представало перед ней не как туманная даль, а как яркая и чётко очерченная дорога, полная удивительных возможностей и свершений. Та хрупкая женщина, которая когда-то пряталась за маской покорности и смирения, наконец-то сбросила тяжкий груз невидимых цепей. Эти путы были сплетены не только из требований мужа и ожиданий семьи, но и из собственных страхов, сомнений и неуверенности, годами парализовавших её волю и душу. Раньше её дни сливались в одно монотонное полотно серых будней. Её жизнь была похожа на застоявшееся озеро, в котором не было ни волн, ни ряби. Но теперь, когда оковы рассыпались в прах, она расправила плечи, подняла голову и посмотрела миру в лицо. Её походка стала уверенной, а взгляд — открытым и прямым. Она наконец-то могла дышать полной грудью, вдыхая чистый воздух свободы, и начинать новую главу своей жизни.

— Мариэтта, ты просто восхищаешь меня своей реши-

тельностью! — воскликнула я, искренне радуясь за подругу. — Глядя на тебя, я тоже начинаю верить, что мечты способны превращаться в реальность.

— Спасибо за поддержку, — тепло улыбнулась она, её глаза сияли от счастья. — Знаешь, иногда мне самой не верится, что я наконец-то обретаю крылья.

У меня не было чёткого пути — лишь извилистая тропа, которую я прокладывала шаг за шагом, доверяясь ветру перемен. Я жила моментами, словно собирая мозаику из случайных встреч, мимолётных впечатлений и неожиданных поворотов. Каждый день приносил что-то новое, и мне нравилось это ощущение свободы от жёстких планов.

«Судьба сама приведёт меня туда, где я должна быть», — повторяла я себе. Но однажды в тишине ночи этот привычный девиз зазвучал иначе, обнажив скрытую тревогу: а что, если так называемая «судьба» — это всего лишь сумма моей нерешительности и страха перед выбором?

Я замерла, осознав, как много решений я отложила «на потом», как часто выбирала путь наименьшего сопротивления, прикрываясь верой в предопределённость. Быть может, за красивой метафорой о судьбе скрывалась банальная боязнь взять ответственность за свою жизнь. Но тут же в сознании вспыхнул встречный аргумент: мне нравится так жить и просыпаться без списка «обязанностей», наслаждаться ароматом утреннего кофе, неожиданной улыбкой незнакомца, случайным разговором, который вдруг открывает но-

вую грань мира. Нравится чувствовать себя не шахматной фигурой, двигающейся по заранее расчерченной доске, а листком, плывущим по течению реки, доверяя её ритму.

В этой форме жизни действительно есть свои плюсы, такие, как свобода от ожиданий. Нет разочарований от несбывшихся планов — ведь их просто не было. Острота восприятия, где каждый момент становится значимым, потому что ты не смотришь вперёд, а полностью присутствуешь здесь и сейчас. Гибкость, где ты легко адаптируешься к переменам, потому что не держишь за «должно быть». Радость открытий, где жизнь превращается в бесконечное приключение, а каждый поворот — сюрприз.

Я закрыла глаза и прислушалась к себе. Где-то внутри, за всеми этими рассуждениями, жило тихое, но уверенное знание, что это тоже правильно. Не существует единственно верного способа жить. Кто-то черпает силы в чётком плане, кто-то — в спонтанности. И если мой путь — это путь без карты, то это всё равно мой путь. Возможно, в будущем я решу проложить маршрут, а возможно, никогда этого не сделаю. Но прямо сейчас я выбираю доверять течению.

Вечером Мариэтта отпросилась у меня на вечернюю службу — для неё это было важно, и я искренне радовалась за неё, зная, как много значит для подруги этот ритуал. К вечеру в трапезной уже никого не осталось, так что закрыть её я могла и одна. Я принялась мыть пол, собирать остатки еды,

чтобы передать на скотный двор и потому не заметила, как открылась входная дверь.

— Не желаешь ли составить компанию за чашечкой ароматного кофе? — голос звучал так непринуждённо и знакомо, что я мгновенно узнала его. Леон.

Тепло разлилось по груди, и я не стала сопротивляться ему.

— Конечно! Чёрный, без молока, как обычно, верно? — ответила я, не в силах сдержать радостную улыбку, которая расцветала на моём лице.

— Да, именно так, спасибо тебе!

Пока я наливала кофе, Леон прошёл к столу. Я мельком взглянула на него через плечо: он двигался с той спокойной грацией, которая меня завораживала — ни одного лишнего движения, ни тени суетливости. Вернувшись с двумя кружками, я поставила одну перед ним, вторую — рядом с собой. И только тогда осознала, как сильно дрожат мои руки. Он поднял взгляд и наши глаза встретились. Молчание длилось всего несколько секунд, но казалось бесконечным. Наконец, я опустила глаза, делая вид, что поправляю салфетку на столе.

— Кофе горячий, — пробормотала я, сама удивляясь тому, насколько обыденными звучали слова в этот момент.

— Спасибо, в твоих руках даже самый простой напиток становится особенным.

Я не нашлась с ответом. Просто села напротив, обхватив

кружку ладонями. Мы пили кофе молча, но это молчание не было неловким. Оно было наполнено и мыслями, и чувствами, и невысказанными вопросами. И неважно, куда приведёт нас этот вечер. Важно то, что здесь и сейчас — я счастлива.

— Ты ведь хотела сказать мне что-то важное, не так ли?
— произнёс он тихо.

— Да, я помню, — ответила я, собирая всю волю, чтобы голос не дрогнул. — Просто хотела объяснить, что в последнее время я чувствую себя немного уставшей. Пожалуйста, не думай об этом, — добавила я, вглядываясь в его лицо, словно пытаюсь прочесть, как он воспримет мои слова.

— Ну, я уж было надумал всякое, — признался он, и в глазах его промелькнуло явственное облегчение.

— И что же ты надумал? — не удержалась я от вопроса, невольно наклоняясь чуть ближе к нему. Любопытство, всегда жившее во мне, тут же высунуло свой любопытный нос.

— Подумал, что, возможно, я чем-то тебя обидел, что ненароком сказал или сделал что-то не так. Но раз речь идёт об усталости, то могу посоветовать тебе монастырский травяной чай. Он действительно творит чудеса. Я сам пью его утром и вечером — и чувствую, как силы возвращаются, а мысли проясняются. Попросить у отца Иоана для тебя немного?

— Пожалуй, стоит попробовать, — улыбнулась я. — Спасибо за совет! Как прошёл твой день?

— День был насыщенным, утром помогал разбирать ста-

рые рукописи. Там такие удивительные записи о жизни первых насельников! А ближе к вечеру пришлось разбираться с отчётами по хозяйству — вот это испытание на прочность, — он усмехнулся, и в его глазах заиграли весёлые искорки.

— День действительно прошёл удачно у тебя. А что за рукописи? — спросила я.

Леон слегка улыбнулся и достал рукописи.

— Там рассказывали про то, как начиналась история монастыря, — заговорил он тихо, и слова его будто обрели вес и текстуру старины. — Как пришли первые люди — не с оружием, не с приказами, а с верой и добром. Они не искали богатства или славы. Они искали место, где можно было бы жить по совести и молиться без страха.

Он осторожно раскрыл тетрадь, и я увидела выцветшие чернила, неровные строки, местами стёртые временем.

— Вот послушай, — он нашёл нужное место и начал читать: — «В тот год осень выдалась ранней и суровой. Мы шли трое суток, не зная, куда приведёт нас дорога. Но когда поднялись на холм, то увидели долину, залитую закатным светом и поняли, что это оно. Здесь мы останемся. Здесь будет наш дом и наша обитель».

Я невольно затаила дыхание, представляя себе эту картину, где несколько усталых фигур на фоне багряного неба, ветер, треплющий их одежды, и — внезапное ощущение правильности момента.

— Они начали с землянок, — продолжил Леон, перевора-

чивая страницу. — Рубили лес, носили камни, строили первый дом своими руками. Тогда ветра были беспощадны, еды в основном не было.

— Как же они выдерживали? Холод, голод, непогода...

— В том-то и дело, — глаза Леона засветились внутренним теплом. — Они видели в этом не испытание, а путь. Вот, например, запись брата Марка: «Сегодня нашли мёд диких пчёл. Разделили на всех. Каждый получил по ложке». Всего ложка мёда — но для них это было настоящим чудом, поводом для радости и благодарности.

Я улыбнулась.

— А ещё они думали о тех, кто придёт после них, — добавил Леон, указывая на следующую запись. — «Посадили первые яблони. Если выживут — будут плоды через пять лет. Мы их не увидим, но те, кто придёт после нас, вкусят». Понимаешь? Они не ждали мгновенных плодов, не стремились к признанию. Они просто делали своё дело — ради будущего. И самое главное, — Леон дочитал последнюю строчку, — они не считали себя героями. Вот что написал брат Марк в конце: «Кто прочтёт это после нас — знай, что мы были простыми людьми. Не святыми и не героями, но мы любили это место так, что отдали ему свои жизни. Пусть и вы полюбите его так же».

— Это невероятно интересно и захватывающе, особенно если оставить место для воображения!

— Да, именно так. Ну что же, мне пора. Тогда увидимся

завтра, Вианн, — последнее слово он произнёс с едва уловимым акцентом.

Леон направился к двери. Я смотрела ему вслед, и настойчивый голос подсказывал, что нельзя так просто его отпустить.

Собрав всю свою смелость, я окликнула его:

— Постой, не уходи!

Мой голос дрогнул, но я тут же собрала всю решимость в кулак, шагнула вперёд, чувствуя, как колотится сердце.

— Знаешь, в последнее время я действительно чувствую себя истощённой, но моё избегание тебя никак не связано с этим. Понимаешь, дело в том, что мои чувства к тебе намного глубже, чем простая дружба.

Слова повисли в воздухе — хрупкие, обнажённые и настоящие. Я замерла, ожидая его реакции, боясь вдохнуть, боясь разрушить эту тонкую грань между «до» и «после». Но Леон застыл как скульптура, замер на полушаге, повернувшись наполовину к двери. Его неподвижность была подобна каменной глыбе, воздвигнутой на границе двух миров — того, где мы были просто друзьями, и того, куда я только что попыталась нас провести. Сердце билось часто-часто, отступая безумный ритм, а разум метался в поисках ответа на его реакцию, перебирая варианты: от робкой надежды до холодного ужаса.

«Ну же, скажи что-нибудь! — молила я про себя, сжимая пальцы так, что ногти впились в ладони. — Скажи, что я со-

шла с ума, скажи, что это безумие, что нам лучше прекратить всякое общение! Скажи хоть слово, вырази хоть тень гнева или отвращения! Только не держи меня в этом мучительном ожидании, не терзай душу своим безмолвием!»

Каждая секунда растягивалась в вечность. Я ловила малейшее движение его ресниц, дрожь губ, напряжение плеч — всё, что могло бы дать хоть малейший ключ к тому, что творится у него в душе. Я уже почти смирилась с безмолвным ответом судьбы, но он пошевелился. И вместо того чтобы приблизиться, сделать шаг навстречу, он отступил — резко, решительно, ещё дальше, чем прежде. Движения его были чёткими, будто он уже принял решение, ещё не успев его осознать.

Леон растворился в полумраке лестницы, направляясь к церкви — единственному источнику света в этом погружённом во тьму пространстве. Его силуэт на миг вырисовался в арке дверного проёма — тонкий, прямой, непоколебимый — а затем исчез.

Церковь возвышалась впереди, как молчаливый свидетель. Не судья, не обвинитель, но бесстрастный хранитель тайн, надежд и несбывшихся путей. Её купол, едва различимый на фоне чёрного неба, словно удерживал на себе всю тяжесть мира, а огни в окнах мерцали, как далёкие звёзды, забытые на земле.

Я стояла одна в этой тишине, и в этот момент поняла больше, чем могли бы сказать любые слова. Ответ был написан

не чернилами на бумаге, не высказан вслух — он был выгравирован в его поступке, высечен в самой ткани реальности. В том, как он повернулся ко мне спиной. В том, как его шаги уводили его прочь, и как свет церкви манил его сильнее, чем тепло моего признания. Путь Долга всегда будет ярче и притягательнее, чем путь Любви и это не было обвинением и горькой мыслью — это была истина. Он выбрал то, что считал правильным, что было заложено в нём глубже, чем чувства, сильнее, чем влечение.

Вскоре появилась Мариэтта. Она скользнула в комнату бесшумно, как тень, но её присутствие тут же наполнило пространство теплом и жизнью. Мягкий свет лампы очертил силуэт, а в воздухе едва уловимо запахло лавандой, которую она всегда носила с собой, маленький мешочек с сушёными цветами.

Что же я действительно желала, произнося те слова?

Может быть, я сама создала эту драму? Превратила незначительное в значительное, наделила случайный взгляд глубоким смыслом, а молчание — невысказанным признанием? Возможно, я слишком много читала между строк, выдумывая то, чего не было, лишь потому, что моё сердце жадно цеплялось за малейший намёк на взаимность. Или я просто боялась признать правду — ту самую, что была написана на его поступке яснее любых слов. Ту, что он не стал скрывать, даже не пытался смягчить. Он ушёл.

Призраки прошлого в настоящем

Каждое его молчание словно ножом резало по сердцу, становясь красноречивее любых слов. Каждое неуверенное движение и уклончивый взгляд я пыталась оправдать в своём воображении, дорисовывая картину несуществующих, но столь желанных чувств.

С самого начала было ясно — он не желал развивать наши отношения, не стремился к сближению, ведь его Призвание было определено и запечатано. Но я, ослеплённая собственной, эгоистичной жадой любви, упорно не хотела видеть правду, прячась от неё за завесой иллюзий. Как в тумане, я шла по дороге, которую сама же придумала, игнорируя очевидные знаки.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что не могу винить его в том, что разбилась о жестокую реальность. Разве не я сама создала этот хрупкий мир фантазий, в котором он играл роль, которую никогда не собирался исполнять? Это была моя личная трагедия, разыгранная в чужом театре.

Моё сердце, полное надежд и ожиданий, встретилось с неприкрытой правдой, и осколки этих надежд теперь больно ранят душу. Но, может быть, именно так и должно было случиться? Может быть, эта боль — цена, которую приходится платить за то, чтобы открыть глаза и увидеть мир таким, какой он есть — без утешающей лжи?

В этой истории нет виноватых, кроме, может быть, моего

собственного сердца, которое так отчаянно хотело верить в невозможное. И теперь, собирая по кусочкам свою разбитую мечту, я учусь принимать реальность, какой бы горькой она ни была.

Глава 8. Выбор

Вианн

Телефон вибрировал на тумбочке, но я медлила. Оттягивала момент, когда придётся взглянуть на экран, — и тем самым разорвать завесу своей драмы. В этой паузе жила особая, горькая сладость — почти обсессивное самоистязание, в котором я находила странное утешение. Страдание стало моим десертом. Я смаковала его медленно, тщательно, растягивая каждую крошку, каждый миг собственной трагедии. Позволяла слабости стать моим единственным прибежищем, моим личным и интимным хаосом.

Пальцы застыли над экраном. Сообщение. Первые секунды мир качнулся, потерял чёткость, уступил место шоку. Время остановилось, а в груди — там, где ещё минуту назад жила боль, — вдруг вспыхнул ослепительный и неожиданный свет.

— Я решил поступить нестандартно и взял не только твой, но и номер Мариэтты, чтобы не вызвать подозрений. Прости за внезапное исчезновение, я увидел, что к нам идут. Пожалуйста, выйди к остановке. Буду с нетерпением ждать, чтобы мы могли спокойно поговорить и обсудить всё, что прервало привычный ход наших жизней.

Тихонько поднявшись, я взяла свитер и направилась к

балкону. Дёрнула ручку — дверь поддалась не сразу, закрипела едва слышно, будто неохотно выпуская меня в вечер.

Свежий и прохладный воздух хлынул в лёгкие, но вместо того чтобы унять бурю внутри, он лишь подхлестнул её, и разогнал волны эмоций. Я втянула воздух глубже, пытаюсь уловить в нём что-то знакомое, что-то, что вернёт мне равновесие.

Не вышло.

Внутри всё дрожало, как натянутая струна. Я не могла сейчас просто взять и пойти, мне нужно было остыть, унять этот бешеный ритм и вихрь мыслей, где одно слово цеплялось за другое, а образ его лица всплывал перед глазами снова и снова.

Вот что значит «бабочки в животе».

Это не просто метафора, а настоящее ощущение: лёгкое, трепетное, но в то же время такое всепоглощающее, что оно заполняет каждую клеточку тела. Оно щекочет, пульсирует, заставляет пальцы подрагивать, а дыхание сбиваться. И мне это нравилось.

Дверь балкона закрылась за мной с тихим щелчком — как точка в конце предложения, которое я только что написала в своей голове.

Пора.

Вот она, знакомая остановка, укрытая звёздным небом. Фонарь над навесом дрожал жёлтым светом.

— Привет ещё раз, — с трудом выдавила я. Говорить ока-

залось куда труднее, чем представлять наш разговор в голове.

Он стоял напротив — силуэт в полумраке, но я видела блеск его глаз, уловила лёгкую улыбку, едва тронувшую губы.

— Привет. Надеюсь, не замёрзла на балконе?

— Ты что, следил за мной? — я не смогла сдержать улыбки.

— Лишь немного, совсем капельку, — всего-то почти десять минут, — он усмехнулся и моё напряжение начало понемногу отпускать.

— А ты всегда такой наблюдательный?

— Только когда это важно.

— Я долго думала, что сказать, — призналась я наконец. — Но теперь понимаю, что слова не нужны. Вернее, нужны, конечно, но... не те, что я репетировала.

Он кивнул, будто понимал всё без объяснений.

— Знаешь, я думаю, что небольшая прогулка нам поможет, как думаешь?

Я усмехнулась, но в этой усмешке было больше тревоги, чем веселья.

— Не думаю, что я в силах думать, всё смешалось в голове, как будто кто-то взболтал мысли, словно воду в стакане.

Он сделал шаг ближе.

— Вианн, ты всё-таки интересная личность, — произнёс он тихо, почти шёпотом, но каждое слово прозвучало отчёт-

ливо. — Ты чувствуешь глубже, чем позволяешь себе признать.

Я подняла на него взгляд, пытаюсь понять, шутит ли он, иронизирует или говорит всерьёз. Но в его лице не было ни тени насмешки — только искренность.

— Ты говоришь так, будто изучил меня вдоль и поперёк, — попыталась я перевести всё в шутку, но голос дрогнул.

— Нет, — он покачал головой. — Я не изучил. Я только начинаю. И мне нравится то, что я вижу.

— Ладно, — я глубоко вдохнула, набираясь смелости. — Давай прогуляемся.

Наши шаги были неторопливыми, мы шли рядом, и вокруг лишь деревья, окутанные сумеречной дымкой. Позади остался монастырь, с его строгими стенами и устоявшимся укладом, осталась прежняя жизнь — та, где всё было понятно и предсказуемо. Впереди — лишь неясный свет далёких фонарей и вопрос, на который пока не было ответа: что будет дальше?

— Знаешь, — нарушил тишину Леон, — я всегда восхищался тобой. Ты пришла к нам подростком — робкая, немного растерянная, но с этим удивительным светом внутри. И ты сохранила его.

Я невольно замедлила шаг, прислушиваясь не только к словам, но и к тому, как они отзывались в душе.

— Свет?

— Да. Ту самую детскую радость. Эти искренние мысли,

живые чувства. Многие теряют их со временем и прячут за маской серьёзности, за привычкой «быть как все». А ты... ты не стала другой. Ты просто выросла, но не утратила себя.

Ветер прошелестел в ветвях, сорвал несколько листьев, и они закружились в воздухе, пытаясь догнать наши тени. Я посмотрела вперёд — дорога уходила в темноту, но теперь она уже не казалась пугающей.

— Давай поговорим?

Он остановился. Всё его внимание мгновенно сосредоточилось на мне. В этот миг существовало только его лицо — черты, выхваченные из сумрака, лёгкая тень сомнения в глазах и та необъяснимая сила, что тянула нас друг к другу вопреки всем законам, правилам и запретам.

— Ви, ты должна понять, раньше я только восхищался тобой. Всем тем, что сказал ранее. У меня не было чувств — пока ты вновь не появилась. Ты очень красива, — продолжил он тише, — но меня привлекает другое. Твоя душа. Твои мысли и то, как ты видишь мир. То, как говоришь, даже когда молчишь.

Мы стояли рядом, не шевелясь.

— Пойми, для меня это не просто... открыться. Для меня это — табу. Это шаг от Него, на дорогу, которую я не должен выбирать.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Я даже не подозревал, что в глубине моего мира скрыты такие эмоции. Но ты... — он запнулся, — ты, как яркая

красная краска в чёрно-белую картину долгого служения, неожиданно и решительно начала заполнять каждый уголок, придавая ему новые оттенки, новые краски и совершенно иной, пугающий смысл.

Леон сделал паузу, взгляд его скользнул по моему лицу.

— Хотя я не могу назвать свой мир серым. Для меня он всегда был полон смысла, наполнен порядком, ритмом, который я знал наизусть. Но тот контраст, который ты... — снова заминка, почти болезненная, — который ты создаёшь рядом со мной, заставляет меня видеть всё иначе. Видеть тебя иначе.

— Ты действительно осознаёшь, что говоришь? — мой голос предательски сломался, выдавая внутреннюю борьбу, которая разрывала меня на части.

— Да, каждое слово, — ответил он твёрдо, но в глазах читалась та же буря, что бушевала во мне. — Пусть я буду горько сожалеть об этом откровении, но ты доверила мне свои чувства, и я не имел права молчать, не мог не ответить тем же.

Мир вокруг потерял свои очертания. Земля уходила из-под ног, а воздух становился густым и тяжёлым, затрудняя дыхание.

— И как нам быть? — прошептала я, и в этом вопросе было больше боли, чем надежды. Мне хотелось взять его за руку, ощутить ту искру, которая между нами разгоралась, но я боялась: вдруг прикосновение разрушит хрупкий мост, что

мы только начали строить?

— У меня нет ответа на этот вопрос, — признался он, и в его голосе звучало непривычное для него бессилие. — Всю свою жизнь я посвятил служению, выбрал путь отречения от мирских радостей. Но теперь мой путь, казавшийся прежде прямым и неизменным, внезапно разделился на две дороги, и я не знаю, какую выбрать.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль, будто видит перед собой две тропы, каждая из которых ведёт к своей правде, к своей боли.

— Выбор — это всегда жертва, — продолжил он тихо. — Какая из них истинна? Я не знаю.

— Мы должны свернуть с тропы, прежде чем она станет дорогой. Свести наше общение к минимуму, — я сама ранила себя этими словами, и каждое из них отзывалось острой болью где-то за рёбрами.

— Ты действительно в этом уверена? Я понимаю, что выбор всегда существует, но не всё находится в нашей власти. И эта Власть, кажется, выше нас обоих.

Я смотрела на его лицо, пытаюсь найти в нём хоть тень сопротивления, хоть намёк на то, что он скажет: «Нет, я не согласен», — но видела лишь отражение своей собственной муки.

— Давай вернёмся в свои комнаты и постараемся забыть этот разговор. Забудем, что мы когда-либо находились здесь, — произнесла я, и каждое слово давалось с трудом, будто я

выдавливала их из себя силой.

Лучше уйти с гордо поднятой головой, сохранив остатки достоинства и спрятать отчаяние глубоко внутри, позволив ему вырваться лишь тогда, когда останусь наедине с собой.

— Вианн...

— Довольно. Мы уже всё решили. Решение принято до нас, — резко оборвала я его, боясь, что ещё одно слово — и я не смогу сдержаться.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и зашагала обратной дорогой. Только что пережитая сцена была для меня настолько пронзительно трагичной, что могла бы стать кульминацией самой душераздирающей мелодрамы. Кадры проносились в сознании, будто снятые чутким оператором: его взгляд, полный отчаяние; мои собственные слова, режущие, как осколки стекла; тишина, в которой тонули последние отголоски надежды.

Понимала ли я тогда, что это была лишь вуаль? Тонкая, почти незаметная, та, что скрывала дальнейшие удары судьбы. Та, за которой уже притаились новые испытания, новые потери и вопросы без ответов.

Больше всего меня удивляло, что я так остро реагирую. Казалось бы, я давно научилась держать чувства под контролем. Но сейчас эта броня рассыпалась в прах от одного взгляда и слова. Почему именно он смог пробить эту защиту? Почему его слова, его сомнения, его нерешительность ранили меня сильнее, чем любые прямые удары судьбы?

Могло это быть из-за того, что он казался недоступным? Его мир — с жёсткими правилами, с незыблемыми обязательствами, с той самой Властью, что стояла за его спиной, — казался иной планетой. Я могла наблюдать его издалека, могла восхищаться очертаниями этого мира, но войти в него... Нет. Это было запрещено. И именно эта запретность, эта непреодолимая грань придавала ему невероятную притягательность.

Но было ли дело только в этом?

Я закрыла глаза, пытаюсь отделить правду от иллюзий.

Возможно, его недоступность лишь подливала масла в огонь, но искра возникла не из-за неё. Искра была в нём самом — в его сдержанной нежности, в улыбке, в том, как он слушал, будто каждое моё слово имело значение. В том, как его взгляд на миг задерживался на мне дольше, чем следовало бы. Чем больше я узнавала его, тем меньше могла отрицать: дело не в недоступности. Дело в том, что он был. Был настоящим. Был живым. Был тем, кто заставлял моё сердце биться чаще не из-за запретности, а из-за того, кем он являлся на самом деле.

Леон

По мере взросления внутри крепла уверенность в моей инаковости — не как в изъяне, а как в особой метке, указывающей путь.

Мирская жизнь с её суетой, с мишурной яркостью и ложными идолами — никогда не казалась мне истинной. Она напоминала карнавал, где каждый носит маску, где смех звучит слишком громко, а слова — слишком пусто. Я чувствовал себя зрителем в этом театре, наблюдал и прислушивался, но не мог стать частью представления. Я ощущал неодолимую тягу к иному миру — к миру тишины, к миру смысла, туда, где слова не размениваются на звон монет, а мысли не тонут в шуме. Меня влекло уединённое место — не обязательно каменный скит или затерянная келья, но пространство, где время течёт иначе, где можно остановиться и услышать собственный голос, не заглушённый внешними голосами.

Я искал не бегства, а присутствия. Присутствия в себе, в истине, в том, что лежит за пределами повседневности. Меня манили не догмы и не обряды, а сама возможность прикоснуться к сокровенной сути вещей, к той нити, что связывает всё сущее. И чем сильнее я прислушивался к этому внутреннему зову, тем отчётливее понимал, что это не временное увлечение, не романтическая тяга к «возвышенному». Это — мой воздух. Мой путь. Моя необходимость.

Наша семья жила в постоянной нужде, в атмосфере экономического и эмоционального хаоса. Отец, несмотря на неустанное трудолюбие, был пленником пагубной привязанности, превращая каждый заработанный рубль в дым и разочарование. Мать же тонула в пучине несбывшихся надежд, утопая в бесконечных заботах о четверых детях и непутёвом

супруге.

Я видел, как она постепенно угасает под тяжестью ответственности. Её плечи всё ниже склонялись под грузом дней, а глаза — когда-то живые, блестящие и полные тепла, теряли свой свет. Она всё чаще замыкалась в себе, уходила в молчаливую сосредоточенность, где не было места ни жалобам, ни упрёкам. Лишь изредка между ней и отцом проскальзывали горькие, слёзные извинения — негромкие, неловкие, но оттого ещё тяжелее переносимые. Они ранили глубже любых криков.

Каждый новый день приносил новые испытания. Я хватался за любую возможность заработать: таскал тяжёлые мешки с цементом, помогал каменщикам, разгружал машины до темноты. Мои руки покрывались мозолями, спина ныла от непосильной ноши, а ноги дрожали от усталости, но я не жаловался. Каждая заработанная копейка была моим билетом к спасению. Я аккуратно складывал то, что оставалось в потрёпанный конверт. В мыслях я уже видел себя вдали от дома: в тишине монастырской кельи, за чтением древних текстов, в сосредоточенной медитации, в долгих размышлениях о смысле, о Боге и собственном «я».

Я не хотел бежать от семьи, от боли, от реальности, но жаждал найти точку опоры, откуда смогу смотреть на всё это иначе. Где смогу понять, кто я на самом деле и обрести покой — не тот, что приходит с сытостью и комфортом, а тот, что рождается в глубине души, когда находишь свой путь.

И потому каждый мозольный след на руках, каждая ноющая мышца — всё это становилось кирпичиками в фундаменте моего будущего.

По вечерам, когда город погружался в бархатную тьму, я неизменно находил утешение в одном и том же месте — на старых и чуть поскрипывающих качелях за церковной оградой. Сидя там, запрокинув голову к небесам, я растворялся в безмолвном диалоге со звёздами. Каждый раз, переступая порог церкви, я ощущал, как невидимая нить связывает меня с чем-то возвышенным и прекрасным, будто сама вечность протягивала мне руку. Мерный звон колоколов, подобный божественной симфонии, разливался в воздухе, пронзая пелену повседневных забот. Эти звуки переносили меня в иное измерение.

Церковь была небольшой, бедной, с обветшалыми стенами и потёртыми скамьями, но в этой простоте заключалась особая чистота. Здесь не было позолоты и пышных убранств — лишь скромные иконы, мерцающие свечи и тишина, наполненная молитвой. И оттого она казалась мне ещё более настоящей и близкой к Богу.

Меня знали здесь все — от старого звонаря до последней прихожанки. Знали как мальчика, которого, по словам людей, «защищает Всевышний». Я молился, как все, стоял на мессах, внимал словам священника и склонял голову в поклоне. Порой ноги затекали от долгого стояния, а в глазах рябило от мерцания свечей, но я не смел шевельнуться. В

этих физических испытаниях было что-то важное — словно через них я доказывал не окружающим, а самому себе, что моя вера не в красивых словах и не в показном благочестии, а в упорном, молчаливом стремлении быть здесь, присутствовать душой и телом.

Мама не спрашивала, почему я так тянусь к церкви. Она и без слов понимала, что там я искал то, чего не хватало мне в семье. И от этого её сердце болело ещё сильнее — тихой и глухой болью, которую она прятала за усталой улыбкой. Они с отцом знали, что такое — когда у тебя нет семьи. Знали, каково это: чувствовать себя одиноким посреди людей, где даже эхо твоих шагов не находит отклика. Но, пожалуй, ещё страшнее, когда семья есть, но ты не чувствуешь её.

Иногда по вечерам, когда отец снова задерживался, а младшие уже спали, она садилась у окна и долго смотрела в темноту. Я знал, о чём она думает: о том, как странно устроена жизнь. Как можно быть рядом и быть бесконечно далёкими. Как можно любить и не уметь дать то, в чём больше всего нуждается твоё дитя.

И тогда я тихо подходил, брал её за руку — ту самую, что когда-то качала меня в колыбели, — и шептал:

— Всё будет хорошо.

Она кивала, сжимая мои пальцы, и пусть я знал, что она не верит этим словам. Но ей нужно было их услышать. Так же, как мне нужно было верить, что где-то есть место, где боль становится молитвой, а одиночество — диалогом с веч-

ностью.

В свои пятнадцать, я осознал, что пришло время решиться на шаг, способный изменить судьбу. Это понимание не свалилось внезапно, как гром среди ясного неба. Оно зрело исподволь — в долгих вечерах на церковных скамьях, в тихих молитвах под звон колоколов, в бессонных ночах, когда сквозь щели старого дома просачивался холодный ветер и горькие слова родителей. Я смотрел на мать — на её потухший взгляд, на руки, сморщенные от бесконечной работы, на плечи, согнутые под грузом несбывшихся надежд. Смотрел на отца — человека, который когда-то был опорой, а теперь стал тенью самого себя. И понимал: если останусь, то через несколько лет стану такой же тенью. Или ещё хуже — повторю их путь, утонув в болоте безысходности. Собрав скромные пожитки, я отправился в далёкое странствие — не просто в путь по земным дорогам, а в паломничество души, ведущее через священные обители и уединённые уголки земли к самому сокровенному — к познанию себя и Бога.

В памяти навсегда запечатлелся тот прощальный миг. Я подошёл к матери, она сидела у окна, склонив голову, в безмолвном ожидании отца — с тем же знакомым запахом алкоголя и пустыми обещаниями, которые давно перестали быть ими быть.

— Мам, родная моя, мне нужно уехать отсюда. Мне нужно найти свой путь, — произнёс я, и слова давались с неимоверным трудом, будто каждое приходилось вынимать из са-

мой глубины груди.

Она медленно подняла на меня глаза — и в этом взгляде было столько невысказанного и пережитого, что у меня перехватило дыхание. Губы дрогнули, но она не заплакала. Вместо слёз — та самая негибкая твёрдость, которую я знал с детства: твёрдость человека, принявшего свой крест и несущего его без жалоб.

— Сынок, милый мой, беги как можно дальше, здесь, в этом доме, нет будущего. Нет света надежды.

В глазах матери читалась бездна печали, такая глубокая, что казалось, загляни в неё, и утонешь. Вечно влажный от сдерживаемых слёз взгляд, виноватая улыбка, обращённая ко мне... Всё это разрывало сердце на части.

— Мы справимся, когда малыши подрастут, я отправлю их подальше отсюда. Свою судьбу я выбрала сама. Твой отец — мой крест, и мне его нести до конца. Но ты не должен быть заложником моего выбора.

Она медленно поднялась и двинулась к старому комоду у стены — тому самому, что скрипел при каждом прикосновении, словно жаловался на тяжесть прожитых лет. Долго шарила в потайном ящике, потом вернулась, держа в руках свёрнутые в трубочку купюры. Потертые, местами потрёпанные — результат её бесконечных трудов и лишений, каждая из которых была оплачена бессонными ночами и молчаливыми слезами.

— Всё, что смогла накопить для тебя, — произнесла она,

протягивая деньги. Руки её слегка дрожали, но взгляд оставался твёрдым. — Сама бы тебя выгнала отсюда, лишь бы у тебя был шанс жить, а не выживать. Младшим тоже откладываю каждую копейку. Бери и, пожалуйста, Леон, начни жить. Иди, не хочу, чтобы ты видел мои слёзы — они предназначены не твоему отцу, а твоему уходу.

Её голос надломился, она сглотнула, и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой и надломленной, как её душа.

— Так тяжело отпускать детей, даже когда знаешь, что это для их блага. Я люблю тебя всем сердцем, мой мальчик.

Каждое её слово, как острый нож, вонзалось в самое сердце. Я стоял, окаменевший, чувствуя, как внутри разгорается пожар из противоречий: благодарности, боли, вины, любви. В этой материнской любви и жертвенности, в её готовности отдать последнее ради моего будущего я черпал силы для нового пути. Силы, смешанные с невыносимой болью расставания и чувством вины за то, что оставляю её одну в этом мрачном мире.

Я взял деньги, они казались обжигающе тяжёлыми в ладони. Хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого я шагнул вперёд, обнял её, вдыхая знакомый запах — смесь выпечки, пота и горечи.

— Я вернусь, — прошептал я, — я обязательно вернусь и заберу вас!

Она прижала меня к себе — крепко и отчаянно, так, как

будто пыталась впитать в себя каждую частицу моего тепла, чтобы потом хранить его в одиночестве. Потом отпустила и отстранилась, не глядя мне в глаза.

— Иди.

Это было всё. Одно слово — и целая жизнь, заключённая в нём.

Сердце разрывалось от тоски по маме, братьям и сестрёнке. Но каждый раз, когда ноги сами разворачивались к дому, я твёрдо вспоминал свою цель. Поиск духовного наставника, человека, чья мудрость могла бы стать для меня путеводной звездой. Я искал не просто учителя, а того, кто поможет разглядеть в себе то, что скрыто за суетой дней, кто укажет путь к внутреннему свету сквозь тьму сомнений.

Судьба привела меня в Лиссабон, здесь, вдали от городской суеты, скрывался таинственный монастырь — место, о котором говорили шёпотом. Я знал, что за его стенами я смогу наконец остановиться, прислушаться к себе и найти ответы на вопросы, что давно терзали душу.

И вот теперь, стоя на пороге нового этапа, глядя, как Вианн уходит, я задумался. Если бы я знал, что на своём пути встречу её — ту, что заставит сердце биться чаще, ту, что станет отражением моих исканий и надежд, — выбрал бы я всё равно этот путь?

Ответа я не знал.

В этом неведении была своя правда. Возможно, именно незнание и есть суть пути: идти вперёд, не зная, куда приве-

дёт дорога, но веря, что каждый шаг имеет смысл. Что встреча с ней — не случайность, а часть замысла, который я пока не могу постичь.

Я глубоко вдохнул, наполняя грудь прохладным вечерним воздухом, пропитанным запахом моря и древних стен. Впереди — неизвестность. Но в груди тлело то самое пламя, ради которого я отправился в путь: жажда истины, жажда жизни, жажда стать тем, кем я призван быть.

Призраки прошлого в настоящем

Искала ли ты меня так же отчаянно, как я искал тебя? В бесчисленных сумерках одиночества я всматривался в лица прохожих, надеясь уловить хотя бы тень твоего присутствия. Мой поиск был не физическим, но метафизическим — поиском родственной души в пустыне бытия.

Я искал в людях отблески твоей души, тот неугасимый внутренний огонь, что теплился вопреки всем невгодам. То пламя, которым ты страшилась обжечь окружающих, но что неумолимо сжигало тебя изнутри, превращая боль в очищающее горение.

Среди безликой толпы я тщетно пытался разглядеть тех, кто так же безоговорочно влюблен в жизнь во всех ее противоречивых проявлениях. Ты не делила мир на черное и белое, не поддавалась страху, отвергая его с присущей тебе грацией. В этом и заключалась твоя философия принятия.

Я жаждал встретить таких же искренних людей. Нет, не просто искренних — полностью открытых миру, как раскрытая книга, чьи страницы написаны без притворства и лжи.

В тебе боль трансформировалась в пронзительную открытость, ты не пряталась за фальшивыми масками, не строила защитных стен. Ты исцеляла одним лишь словом, нежными руками, пахнущими сандалом и белым перцем. Этот неповторимый аромат навсегда запечатлелся в уголках моей памяти, став символом утраченного счастья. Аромат утраченного Эдема.

В парке, окруженный множеством людей, я ощущал одиночество. Каждый шорох листвы, каждый вздох ветра напоминал о тебе. Я искал тебя в каждом прохожем, в каждой тени, но все было тщетно. Пытаясь начать жизнь с чистого листа, как ты когда-то учила, я раз за разом возвращался к началу — к тебе, моя любовь. К частицам наших соединенных душ, которые, словно осколки разбитого зеркала, разлетелись по миру, но так и не смогли забыть друг друга.

В бесконечных поисках я понял, что невозможно заменить то, что было между нами. Невозможно найти кого-то, кто вместит в себя весь космос твоей души, весь огонь твоего сердца. Ты осталась единственным источником света в моей вечной ночи.

Глава 9. В плену противоречий

Ей едва исполнилось пятнадцать, когда я впервые увидел Вианн.

Она появилась словно всплеск цвета в привычном полумраке церковного двора — в лёгкой юбке, с яркой косынкой на тёмных волосах, с браслетами, тихо позванивающими при каждом движении. В руках она держала книгу, но не ту, что принято видеть в этих стенах, а что-то с пёстрой обложкой, с буквами, похожими на танцующие листья.

Я наблюдал за ней, прячась за колонной и с каждым днём замечал всё больше: по вечерам она плела из цветов венки — не для себя, а для всех, кто оказывался рядом. Прихожане, привыкшие к сдержанной тишине, вдруг начинали улыбаться, принимая эти незамысловатые дары. Старушки осторожно примеряли их, как короны, а дети вертелись вокруг, требуя ещё. Она разговаривала с людьми так, будто каждый был для неё открытием. Слушала, кивала, задавала вопросы, от которых на лицах расцветали настоящие улыбки. А по утрам она выносила пирожки и чай сторожу — не потому, что так было положено, а потому, что видела, что он одинок, замкнут и давно привык к тому, что его замечают лишь тогда, когда он нужен. Она присаживалась рядом, не боясь испачкать платье, и они разговаривали — о погоде, о птицах, о старых временах.

У меня не было никаких помыслов или чувств, кроме чистого восхищения. Я просто наблюдал — как подросток растёт, как меняется, но при этом неизменно хранит в себе тот самый свет, что впервые поразил меня при нашей встрече.

Она напоминала художника, пишущего собственную картину: с каждым днём добавляла к своей личности новые и яркие штрихи. Её характер раскрывался всё многограннее — то вспыхивал озорным смехом, то углублялся тихой задумчивостью, то расцветал состраданием. Но среди всех этих перемен, подобно путеводной звезде, сияла одна неизменная черта — её неугасимая любовь к жизни. Не наивная весёлость, не поверхностное легкомыслие, а глубокая, корневая радость. Её оптимизм, подобно могучему дереву, пускал всё более глубокие корни — не ломался под ветром трудностей, не увядал от непогоды. А жизнелюбие, как неукротимый водопад, набирало силу с каждым прожитым днём, переливаясь всеми оттенками искренности и тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.